

Люби меня вечно

Автор:

Джоанна Линдсей

Люби меня вечно

Джоанна Линдсей

Королева любовного романа Мужчина моей мечты #2

Графу Эмборо не терпится выдать замуж дочь Кимберли. Она пользуется неизменным успехом у богатых и знатных молодых людей, мечтающих завоевать сердце очаровательной и веселой леди. Однако на их пути внезапно встает глава обедневшего шотландского клана – могучий и грубоватый Лахлан Макгрегор. Кого же полюбит сама Кимберли, кто станет ее судьбой?

Джоанна Линдсей

Люби меня вечно

Johanna Lindsey

LOVE ME FOREVER

Печатается с разрешения издательства Avon Books, an imprint of HarperCollins Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Johanna Lindsey, 1995

© Перевод. Т. Л. Черезова, 1999

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

– Лахлан, ты жив, дружище?

Сомнительно. Больше того – в этот момент даже нежелательно, хотя боль от раны скорее надоедала, чем мучила. Лахлан Макгрегор лежал на земле; кровь впитывалась в дерн. Он понимал, что смертельную рану получила его гордость: противно, когда лэрда клана Макгрегоров вынуждают присоединиться к обыкновенным грабителям. Но то, что он имел глупость получить ранение, вообще ни в какие ворота не лезет.

– Лахлан? – снова настойчиво окликнул один из членов его клана.

– Да вроде не помер, так что не вздумай тащить мое тело домой, Ранальд. Пусть гниет тут, как оно того и заслуживает.

По другую сторону от него кто-то негромко рассмеялся.

– Ну вот, зря тревожился, Ранальд, – сказал Джиллеонан Макгрегор. – Разве можно серьезно повредить эту огромную тушу одним крошечным кусочком свинца из пистолета какого-то англичанишки?

Лахлан хмыкнул. Ранальд, убедившись, что лэрд жив, вздохнул.

– Да я не боялся, – проговорил он одновременно хвастливо и с облегчением. – Только как мы взгромоздим его на лошадь? Если он сам не встанет, ему и правда

придется здесь гнить: ведь его даже вдвоем не поднять!

– Ну, тут волноваться нечего. Я припоминаю, как мы однажды развели огонь у его ног – он был тогда еще совсем молодым. Удивительно, до чего проворен бывает даже такой громила, как старший Макгрегор, если...

Лахлан тихо зарычал: он хорошо помнил это происшествие. Джиллеонан снова рассмеялся, а Ранальд прищелкнул языком и серьезно заметил:

– Не стал бы я этого делать, кузен. Огонь укажет англичанам, где мы находимся, если они, дураки, еще нас ищут.

– Верно. Никакого огня и не понадобилось бы, если бы лэрд дождался нашего возвращения домой, а потом уже падал со своей коняги. Но ждать он не стал и вот теперь лежит тут. Можешь что-нибудь предложить?

– Могу, – запальчиво ответил Лахлан. – Я переломаю вам обоим шеи, и тогда будем гнить здесь втроем.

Оба его родича знали, что огромный рост Лахлана – шесть футов и семь дюймов[1 - Два метра.] – болезненная для него тема. Они подначивали его, чтобы он разозлился, но не настолько, чтобы их прикончить, и встал самостоятельно.

Пока было непонятно, насколько он разозлился, поэтому Ранальд сказал:

– Если ты не возражаешь, Лахлан, мне не хотелось бы гнить так близко от границы с Англией. Вот наверху, в горах, я бы согласился, но здесь, в низине... Нет, мне это не по нутру.

– Тогда заткнитесь и дайте немного прийти в себя. Может, я сам смогу сесть на лошадь.

Предложение было встречено полным молчанием. Надо полагать, они разрешили ему отдохнуть, но беда в том, что он не был уверен, остались ли у него силы, отдыхай – не отдыхай. С каждой минутой он слабел, силы покидали его. Чертова рана. Если бы он не почувствовал, как пуля вошла в него, он бы не

мог с уверенностью сказать, что ранен в грудь. Тело онемело еще до того, как он рухнул с лошади.

– Спорим, он снова размечтался, потому его и подстрелили, – опять стал подначивать Джиллеонан, когда через несколько минут Лахлан так и не сдвинулся с места. – Он уже больше года сохнет по рыжей красотке, которую украл у него англичанишка.

Лахлан прекрасно понимал: его родич пытается снова пробудить в нем гнев, чтобы он наконец встал. И, черт подери, ему это удалось, потому что слова Джиллеонана были чистой правдой.

Когда в него стреляли, он был погружен в мысли о красавице Меган с огненно-рыжими волосами и огромными темно-синими глазами – более красивой девушки он не встречал. Он думал о ней всякий раз, когда они выходили на грабежи к границе Англии, потому что именно тут он ее встретил – и потерял. Конечно, и в другое время он вспоминал ее, но это было его дело, и другим соваться нечего, какую бы цель они ни преследовали.

– Это я украл ее у англичанина, – промямлил Лахлан, – а он только забрал ее обратно. Совсем не одно и то же.

– Забрал обратно и хорошенько тебя поколо...

Напоминание заслуживало хорошей оплеухи, и удар Лахлана, несмотря на то что он очень ослабел, повалил Джиллеонана, стоявшего на четвереньках. Тот упал, изумленно крикнув, хотя именно такой реакции от своего лэрда и добивался.

Сидевший по другую сторону Ранальд рассмеялся:

– Прекрасно, Лахлан! А теперь, если ты так же резво взгромоздишься на свою лошадку, мы доставим тебя домой, чтобы Несса занялась твоей раной.

Лахлан застонал. Джиллеонан набросился на Ранальда:

– Ты что, парень, не в себе? Я бы кинулся в другую сторону, только бы избежать забот Нессы. Сначала всего тебя слезами вымочит, потом ругани не оберешься.

Ох, ну до чего же противно!

Ранальд приподнял бровь:

– Ты думаешь, она будет тиранить лэрда?

– Конечно, будет, – пробормотал Лахлан, а про себя добавил: «И поделом мне за мою глупость». С этой мыслью он перекатился со спины на живот и встал на четвереньки. В глазах поплыло... Безлунная ночь – что может быть лучше для разбойников! Но разбой и любовное томление явно плохие товарищи, надо бы впредь разделять их. Конечно, если он вообще переживет это фиаско. – Ведите меня к этому жалкому животному, – попросил он родичей.

Те попытались помочь ему встать. Но они больше мешали, чем помогали, и он с сердитым рыком оттолкнул обоих. Каким-то образом ему удалось сесть в седло, а его родичам – доставить его домой. Потом он не мог вспомнить долгий, тяжелый путь и остановки, во время которых они перевязывали ему рану, пока до нее не добралась Несса.

Но вскоре она все-таки добралась до нее – и до него, и прошли ужасные три недели, прежде чем она оставила его в покое. Несса почему-то вообразила, будто влюблена в Лахлана, и убедила себя в том, что они рано или поздно поженятся, хотя он никогда ей ничего не обещал. Похоже, ей было достаточно того, что он больше ни за кем не ухаживал. А когда ему было ухаживать? Он был еще так юн, а на него легла забота о всем клане!

Несса жила в его доме, как и многие другие члены клана. Он знал ее чуть ли не всю жизнь: когда они были маленькими, то вместе играли, а когда он повзрослел и начал интересоваться девушками, она стала помехой, потому что в ней он по-прежнему видел лишь приятеля-сорванца. Она была на пять лет моложе его (ему уже исполнилось двадцать шесть) и дьявольски вспыльчива. Ей пришлось взять в руки все домашнее хозяйство, когда его отец умер, а мачеха сбежала со всеми ценностями Макгрегоров и тем самым обрекла его на жизнь разбойника.

Он сказал красавице Меган, что все его предки были разбойниками, но это было неправдой. Уже больше двухсот лет никто из его родни не выходил по ночам на большую дорогу, да и раньше они прибегали к этому, скорее чтобы досадить другим кланам, чем пополнить сундуки. Основой богатства Макгрегоров

послужили дары королей, несколько выгодных сделок и выигрыш одного удачливого игрока, но нужно было немало средств, чтобы отремонтировать старинный замок, устраивать бесчисленные свадьбы и обеспечивать всех необходимыми для нормальной жизни вещами.

Небольшие урожаи целиком зависели от погодных условий, немногочисленные стада овец и крупного рогатого скота не могли прокормить немалую семью – так было всегда. А единственное предприятие, которое каждый год приносило им наличные деньги, лопнуло. И все же они могли бы неплохо жить, если бы не леди Уиннифред.

Лахлан начинал злиться всякий раз, когда вспоминал, что сделала с кланом его мачеха. Она не воспитывала мальчика, хотя прожила в замке Крегора не один год, пока он был еще юнцом. Двенадцать лет она была замужем за его отцом. Лахлан не испытывал к ней антипатии, она просто была частью ландшафта; изредка улыбалась мальчику, но не больше: она не думала ни о ком, кроме себя и, конечно, его отца.

Никто никогда не принял бы ее за воровку – но она ею оказалась. Не прошло и недели со дня смерти его отца, как она вдруг исчезла, а с нею испарилось наследство Лахлана. Ее искали больше года, но не обнаружили никаких следов. Можно было предположить, что воровство и бегство были заранее спланированы, продуманы до последней детали. Но считать так значило бы очернять ее еще больше, хотя, казалось, больше некуда.

Теперь, три года спустя, замок Крегора разрушался, потому что Лахлану не удавалось добыть достаточно денег у тех немногих англичан, которых он грабил у границы. Но тем не менее он отказывался брать больше, потому что боялся по-настоящему разорить тех, у кого отнимал деньги, – пусть даже это были всего-навсего англичанишки. И вот свадьбы откладывались, а члены клана, всю жизнь прожившие в замке или на землях Макгрегора, покидали Хайлэндс[2 - Хайлэндс (англ. Highlands) – север и северо-запад Шотландии.].

Он с молодых ногтей усвоил обязанности по отношению к клану, но никогда не думал, что внезапно разорится. В двадцать три года на него свалилась непосильная ноша. Сейчас, когда ему было двадцать шесть, положение стало еще хуже, а он не мог придумать ничего, что не претило бы ему еще больше, чем грабежи. Он уже залез в долги к немногим своим зажиточным родственникам. И все более или менее ценное, что нашлось в замке, давно уже

продали.

Положение было незавидное. Вот почему, еще не успев оправиться от раны, Лахлан вызвал на совещание своих самых близких помощников и соучастников преступлений – Джиллеонана и Ранальда.

Джиллеонан, троюродный брат Лахлана, был на несколько лет старше его. Ранальд, еще более дальний родственник, был на год моложе. Они жили не в замке – у обоих поблизости были собственные дома, хотя чаще всего их можно было найти рядом с Лахланом. Вот и в тот обжигающе холодный ноябрьский вечер они обедали с ним.

Лахлан подождал окончания более чем скромной трапезы и объявил:

– Ничего не получается.

Друзья заранее были предупреждены, о чем пойдет разговор, – разъяснений не потребовалось.

– Все неплохо шло, пока ты не получил пулю, – возразил Ранальд.

– Моя рана не имеет никакого отношения к очевидному. Посмотри вокруг, Ранальд, – сказал Лахлан и повторил: – Ничего не получается.

Не надо было особенно приглядываться, чтобы заметить пятна на стенах там, где когда-то висели картины, опустевший буфет для фарфора, отсутствие на столе хрустальных и серебряных кубков. Конечно, все это исчезло так давно, что, может быть, его друзья уже забыли, как выглядел обеденный стол при жизни отца Лахлана.

– Ты хочешь сказать, что мы больше не будем грабить? – спросил Джиллеонан.

– Я хочу сказать: какой в этом смысл? Нам всего один раз удалось привезти домой кошелек, которого хватило ненадолго. Мы уезжаем по шесть или семь раз в месяц – а результата почти никакого.

– Угу, мне и самому надоели эти разъезды, особенно в такое время года, – согласился Джиллеонан. – Но ведь мы никогда этим делом всерьез не занимались. Так, просто шалости.

Лахлан согласился. Пока его не подстрелили во время последней вылазки, они скорее развлекались, но речь шла не об этом.

– А если мы займемся этим на полном серьезе, Джилл, мы станем ворами, – сказал Лахлан.

Джиллеонан удивленно поднял бровь:

– А сейчас мы не воры?

Ранальд хмыкнул:

– Я считаю, что брать у англичанишек – не воровство.

Лахлан невольно улыбнулся. Да, это было просто развлечением. Сейчас шотландцы и англичане вроде неплохо ладили, но в душе все равно оставались врагами. По крайней мере шотландцы-горцы и те, кто жил у границ, они столько времени грабили англичан, что по-другому на них и смотреть не могли. На границе вражда была по-прежнему сильна, и недружелюбие въелось в душу, передаваясь из поколения в поколение.

– Мы решили стать разбойниками, когда дела обстояли еще не так плохо, – напомнил друзьям Лахлан. – Но сейчас мы дошли до ручки, и надо придумать что-то, иначе мы потеряем и Крегору.

– Ты что-то задумал? – спросил Джиллеонан.

Лахлан вздохнул:

– Нет, но, как всегда, я готов прислушаться к вашим советам.

Родичи устроились поудобнее. Джиллеонан взбалтывал в оловянной кружке дешевенькое вино, Ранальд закинул ногу на подлокотник кресла. Лахлан

заложил руки за голову, готовясь отместить предложения, которые придется ему не по вкусу.

– Слыхал я, что в какой-то там Калифорнии нашли золото, – заметил Ранальд. – Огромные самородки так и валяются на земле – приходи и бери.

Лахлан приподнял бровь, но не успел ничего сказать – Джиллеонан поддержал Ранальда:

– Угу, я тоже слышал об этом, но старший Макгрегор не может пуститься в такое далекое путешествие и бросить родные места. Мы, наверное, могли бы послать туда кого-нибудь из членов клана, чтобы они посмотрели, что к чему. Арнальду хочется путешествовать, и его брат мог бы поехать с ним. Но ведь пройдет много месяцев, прежде чем мы получим от них весточку. Не можем же мы все это время сидеть сложа руки и ждать.

Лахлан и сам все это понимал, так что ничего не стал добавлять, а только кивнул. Сказать по правде, ему было жаль, что он не может отправиться в далекое путешествие. Но Джиллеонан был совершенно прав: как глава клана он обязан оставаться поблизости.

– Согласен, – вступил Ранальд, – мы можем переговорить с Арнальдом насчет того, не хочет ли он отправиться искать золото, а тем временем... Мне уже раньше приходило это в голову, но тогда я решил, что Лахлан слишком молод.

– Что?

– Жена. Э-э... то есть богатая жена.

Лахлан выразительно закатил глаза, не собираясь принимать всерьез такое предложение. Но Джиллеонан подался вперед и восторженно воскликнул:

– Угу, отлично, Ранальд! И вообще пора Лахлану подарить нам наследника, чтобы мы его баловали.

– И где я тут отыщу богатую жену? – спросил Лахлан, которому совсем не понравилось такое предложение.

– В наших местах богатой невесты не найдешь – все просватаны. Но на юге...

Лахлан перебил:

– На равнинах невест-наследниц тоже немного.

– Да, но в Англии их сколько угодно, а до Англии можно доехать верхом всего за несколько дней – не надо переплывать океан.

Лахлан сжал зубы: друзья, похоже, не собирались отказываться от этой мысли.

– Жена-англичанка? – пренебрежительно хмыкнул он.

– Твой двоюродный дед Ангус ничего зазорного в этом не видел, – поспешил напомнить ему Ранальд.

– Дедушка Ангус, мир праху его, был влюблен, – ответил Лахлан. – В таких случаях возможны исключения.

– И ты разве не сделал бы того же, если бы приглянулся красавице Меган? – возразил Джиллеонан. – Насколько я помню, она самая что ни на есть англичанка.

Лахлан даже покраснел: это была чистая правда. Он попросил Меган выйти за него замуж в первые же минуты их встречи, а когда она сразу же отказалась, увез ее с собой, чтобы она передумала. И, может быть, ему удалось бы ее переубедить, если бы ее жених так быстро их не нагнал. Но она была именно исключением. Такой красивой девушки, как она, больше нигде не найдешь.

Право, они же ведут речь о жене – о женщине, с которой он вынужден будет жить до конца своих дней! Конечно, лэрд должен идти на определенные жертвы ради своего клана, если они необходимы, но такая жертва, по его мнению, была бы уж чересчур. К тому же он всегда считал, что женится на девушке, которая понравится ему, а не клану.

Он недовольно спросил:

– Вы считаете, что я женюсь на любой богатой невесте?

– Нет, ничуть, – успокоил его Джиллеонан. – Мы просто думаем, что среди шотландских девушек очень мало богатых невест. А теперь задумайся об англичанах и о том, как они зажиточно живут. Если там такой хороший выбор, почему бы тебе не попытаться найти невесту по сердцу?

Слово «сердце» заставило Лахлана снова вспомнить о Меган. Вышла ли она замуж за своего жениха-англичанишку? Не любой побег в Гретна-Грин, куда они направлялись тогда, кончается женитьбой. Некоторые успевают вовремя опомниться. Но с тех пор прошел уже целый год. Если она не вышла замуж за того, с кем приехала в Шотландию, то почти наверняка вышла за кого-нибудь еще. А с другой стороны – вдруг нет? Стоит отправиться в Англию хотя бы ради того, чтобы это выяснить.

И все же он напомним:

– Вы не принимаете в расчет, что сам я – жених незавидный.

Ранальд только фыркнул:

– Ты из себя парень хоть куда, красивее не найдешь. По тебе столько девушек сохнет – ты даже представить себе не можешь!

Что правда, то правда – внешность у Лахлана была привлекательная: золотисто-каштановые волосы, светло-зеленые глаза, искрившиеся смехом, красивые черты лица. Немало девушек вздыхало по нему.

– Наверное, он имеет в виду свой огромный рост, Ранальд, – нерешительно проговорил Джиллеонан. – Девушек-малышек он и правда может напугать.

Очень высокий рост и крепкое сложение, унаследованные от отца, всегда оставались для Лахлана большим вопросом.

– Я имел в виду, что у меня нет ни гроша за душой! – огрызнулся он.

Тут оба родича возмущенно фыркнули, а Джиллеонан решительно подытожил:

– Ты же лэрд клана Макгрегоров, парень! Больше ничего и не надо, чтобы слыть завидным женихом.

Тут Лахлан вздохнул. По совету родичей он стал разбойником – и ни к чему хорошему это не привело. Он не собирается поспешно жениться только потому, что им понравилась эта идея. Тем не менее стоит все обдумать.

– Хорошо. Но я не собираюсь мчаться в Англию со всех ног и жениться с бухты-барахты, не заручившись никакой поддержкой. Я напишу моей английской тетке, посмотрю, что она посоветует и согласится ли помогать. Но если уж мне придется страдать среди англичанишек, вы двое извольте ехать и мучиться вместе со мной. И это вам говорит Макгрегор.

Другими словами, это был приказ, который они не могли не исполнить.

Глава 2

– Уедешь на этой неделе, милая моя, – непререкаемым тоном произнес Сесил Ричардс, нынешний граф Эмборо, обращаясь к своей единственной дочери. – Их светлости ждут тебя в Шерринг-Кроссе и встретят по всей форме. Попомни мои слова: тебе не составит никакого труда найти жениха среди всей этой знати.

Кимберли Ричардс недоуменно уставилась на отца, явившегося с этим странным объявлением в комнату, где она занималась шитьем. Перед ней стоял несколько обрюзгший мужчина с багровыми щеками, тускло-коричневыми волосами и серыми глазами. Кимберли ничуть не походила на него ни внешне, ни характером, чему была очень рада.

Ей не следовало бы удивляться словам отца, несмотря на то что годовой траур закончился всего несколько дней назад. Ее скорбь по умершей матери была неподдельной. Она сторонилась развлечений и появлялась на людях только по воскресеньям, в церкви. Она потеряла жениха, с которым была обручена всю жизнь: он не мог или не желал отложить их свадьбу еще на полгода.

И тем не менее она ожидала чего-то в этом роде, поскольку чувствовала, что отцу надо избавиться от нее. Он совершенно не скрывал этого, как и своего желания жениться на вдове Марстон, которая поселилась в их небольшом городке в Нортумберленде несколько лет назад. Кимберли прекрасно знала, что вдова отказалась терпеть в своем доме еще одну женщину.

Чем скорее Кимберли уедет и выйдет замуж, тем скорее пятидесятилетний Сесил сможет вновь жениться. Уж он-то определенно не горевал о своей жене. Для него ее смерть была лишь неудобством.

Кимберли, как обычно, внешне не прореагировала на слова отца о замужестве и только поинтересовалась относительно герцога и герцогини Ротстон:

– Как вам удалось заручиться их поддержкой?

– Когда-то я оказал герцогу услугу, и немалую, – ворчливо ответил он. – Никогда не думал, что придется о ней напоминать из-за такого пустяка, но что поделаешь.

Она приподняла бровь. Пустяк?! Ну это с какой стороны посмотреть. Для нее это вовсе не пустяк. Однако Кимберли не стала спорить с отцом: какой смысл спорить! Ей самой хочется поскорее уехать отсюда, из родного дома. После смерти матери дом превратился в неприятное, мрачное место, откуда ей не терпелось вырваться.

– И не тяни, – строго добавил Сесил. – Герцог полностью осведомлен о моих пожеланиях, и тебе они известны не хуже. Не теряй времени на мужчин, которых я не одобряю.

Или он от нее отречется. Эта угроза ясно читалась в его голосе. Она часто ее слышала и безошибочно узнавала. Он чуть не отрекся от нее шесть месяцев назад, когда она отказалась прервать траур по матери, но пошел на попятную.

По правде говоря, Кимберли могла выйти замуж и без родительского согласия – ей уже исполнился двадцать один год. Если Сесил Ричардс от нее отречется, на ее благосостоянии это никак не скажется. О ней позаботилась мать – к вящей ярости отца, узнавшего об этом только после смерти жены. Однако брак без согласия отца стал бы вызовом светскому обществу, настоящим скандалом,

которого она предпочла бы избежать.

Ярмарка невест. Одна только мысль об этом заставила Кимберли содрогнуться. Это не для нее. С самого рождения у нее был жених – Морис Дорьен, на три года старше ее, сын хорошего друга отца, Томаса. Она всегда прекрасно с ним ладила при встречах у себя или у него дома. Они никогда не были близкими друзьями, но вращались в одном обществе, и казалось, этого вполне достаточно.

Но им так и не удалось назначить дату свадьбы. Когда она уже могла выйти замуж, ему пришла пора отправиться в путешествие для завершения образования, и даже ее отец решительно утверждал, что Морис не может отказаться от этого ради женитьбы. Так что ей оставалось только ждать целый год (обычно на подобные путешествия отводился именно такой срок). Но потом оказалось, что Морис будет отсутствовать не год, а два: до того ему понравилось путешествовать.

А ее кто-нибудь спросил, согласна ли она ждать его еще год? Нет, конечно! Ей просто сообщили, что Морис решил продлить свое путешествие и свадьбу надо отложить.

К тому времени как Морис вернулся из-за границы, ей исполнилось двадцать. Родители договорились о дне свадьбы и даже разослали приглашения, но тут умерла ее мать, и Кимберли надела траур. Она горячо любила мать и не собиралась сокращать общепринятое время траура только потому, что свадьба откладывалась уже на два года, а из-за траура этот период растянется на три. Она же ждала Мориса. И по справедливости он должен без разговоров ждать ее, раз она потеряла единственного близкого человека.

Однако все обернулось иначе. Оказалось, что за время своего затянувшегося путешествия Морис, пристрастившись к азартным играм, наделал долгов, и ему срочно понадобилось приданое – деньги и имущество.

Кимберли никогда не была в восторге от мысли, что ее мужем будет Морис, – она принимала его как нечто неизбежное, но, по крайней мере прежде, была совершенно уверена, что он женится на ней не ради приданого. Шесть месяцев назад все изменилось. О его финансовых затруднениях стало известно всем, и он поспешно положил конец их долгой помолвке, стоило ей только отказаться немедленно выйти за него замуж. Это оказалось для Кимберли полной

неожиданностью и потрясло ее.

Отец был в ярости – на нее, а не на Мориса! При разговоре с Морисом он только ворчал да огрызался, но что он мог ему сказать? Морис ни перед кем теперь не должен был отчитываться, поскольку его отец, Томас, умер. Он не был обязан придерживаться помолвки, которую заключили родители без его согласия – время теперь было не то. Надо отдать ему должное: он все равно был готов жениться на Кимберли, только не хотел дожидаться еще полгода, пока закончится траур.

Когда Кимберли имела глупость сказать, что Мориса явно интересуется только ее приданое, Сесил несколько ей не посочувствовал и только спросил:

– Ну и что? Так всегда бывает. Ты что, думала, я любил твою мать? Единственная женщина, которую я вообще любил, умерла из-за этих чертовых северян-шотландцев, будь они все прокляты. Я выбрал тогда твою мать, потому что она из богатой семьи, но жили мы, правду сказать, неплохо.

Неужели? Кимберли помнила, что мать все время казалась несчастной, что каждый раз, когда Сесил повышал голос, она вся съеживалась. Она была мягкой, почти робкой женщиной, и они с мужем совершенно не подходили друг другу. Ей нужен был добрый и чуткий человек, а не грубоватый лорд приграничных районов. Но, что еще важнее, ей нужен был муж, который бы ее любил, а этого в Сесиле Ричардсе она не нашла.

Кимберли походила на мать терпеливостью, но отнюдь не робостью. Она могла сдерживаться, не выходя из себя. А сейчас выходить из себя было просто бессмысленно: ей действительно надо найти мужа – и как можно скорее. Она была вполне готова к этому, потому что ей хотелось вырваться из дома отца, из-под его власти, так же как ему – от нее избавиться. Но после всей этой истории с Морисом она боялась, что ей сделают предложение не потому, что на самом деле захотят видеть ее своей женой, а лишь из-за денег и имущества, составляющих ее приданое.

Прежде она никогда над этим не задумывалась. Да и сейчас это было не столь уж важно. Но все же она предпочла бы мужа, которому на самом деле была бы мила.

Когда она собиралась стать женой Мориса, это не имело значения: она смирилась с судьбой и даже не думала о том, что могла бы получить нечто лучшее. Но теперь она считала, что может встретить человека, с которым была бы счастлива, а не просто «ладила» бы.

Однако найти такого мужа будет совсем не простым делом. Она ведь не была писаной красавицей, в которую влюбляются с первого взгляда. Правда, мать всегда говорила, что у нее волшебная улыбка, дарящая всем радость, но матери всегда говорят дочерям такие вещи. Кимберли никогда не видела в своей улыбке ничего удивительного, хотя очень непросто искренне улыбнуться, когда смотришь в зеркало на довольно заурядное лицо.

Никакими особенными способностями она похвалиться не могла: недурной голос, умение немного играть на фортепьяно, аккуратное шитье и вышивание, способность хорошо вести домашнее хозяйство... Совсем недавно она обнаружила в себе настоящий талант в подсчетах, в выборе самых доходных способов вложения денег, но ее будущий муж вряд ли это оценит или захочет использовать, поскольку финансы считаются мужским делом.

Она была стройной, но из-за высокого роста казалась почти худой. У нее были русые локоны (хотя светло-русые ценились бы больше), непримечательные черты лица, довольно твердый подбородок, указывавший на упрямство, которое она редко выказывала, но на которое была вполне способна, и необыкновенно красивые темно-зеленые глаза – на них иногда обращали внимание. Но она прекрасно понимала, что большинство ее знакомых были хорошими людьми, и им хотелось говорить ей что-то приятное.

Кимберли отложила шитье и встала – теперь она смотрела на отца сверху вниз. Рост у нее был пять футов восемь дюймов[3 - 172 сантиметра.] – она унаследовала его с материнской стороны, – и отец был ниже ее на целый дюйм. Это страшно раздражало графа, и Кимберли иногда пользовалась этим как тайным оружием, получая удовольствие от того, что он злился. Но вообще свой высокий рост она рассматривала как недостаток.

– Я не буду тратить время зря, отец, но не ждите быстрых результатов, потому что я не намерена принять предложение первого же мужчины, которого рекомендуют их светлости. Ведь не вам придется жить с этим джентльменом до конца своих дней, а мне. И если я почувствую, что у меня с ним нет ничего общего, своего согласия не дам.

Граф побагровел еще до того, как она кончила говорить, но Кимберли другого и не ожидала. Он терпеть не мог, когда она выдвигала свои требования и не отступалась от них.

- Как ты рада мне досадить...

Кимберли прервала его:

- Вы считаете? Разве вам не ясно, что мне не нравится здесь жить? Или вы не замечаете этого, как и всего, что касается меня?

Он не ответил - да и что он мог сказать? Он действительно привык игнорировать ее, если только не нужно было от нее чего-то добиться. Сейчас у него даже не хватило стыда, чтобы смутиться. Он что-то пробормотал себе под нос, повторил:

- Изволь не тянуть, - и удалился из комнаты.

Кимберли со вздохом села, но не притронулась к шитью. Теперь, всерьез задумавшись над тем, что ее ждет, она встревожилась. Она поедет одна, чего никогда не делала прежде; ее все время будут окружать незнакомые люди; ей придется выбрать мужа - такого, чтобы он устроил и отца, и ее саму. Это будет труднее всего, потому что она не надеялась получить много предложений - так, одно или два. А ведь это будет человек, с которым ей придется жить всю оставшуюся жизнь.

Глава 3

Меган Сент-Джеймс, уже год как новая герцогиня Ротстон, подняла глаза от письма, которое только что прочла. Вручая ей письмо, муж выразил надежду, что она получит удовольствие от роли свахи. Теперь она поняла его слова, но особой радости не почувствовала.

Она вопросительно взглянула на Девлина, нетерпеливо постукивая ножкой в знак недовольствия (на тот случай, если вопросительного взгляда окажется

мало), и осведомилась:

– Почему искать мужа для этой девицы придется мне, хотя услугу ее отец оказал тебе? Это письмо ведь адресовано тебе?

– Разумеется, – ответил Девлин. – Но вопросы бракосочетания и сватовства находятся в компетенции женщин.

– Кто это сказал?

– Я.

Ответ он сопровождал улыбкой, зная, что это еще сильнее выведет ее из себя. И точно – она отреагировала именно так, как он ожидал: довольно неаристократически хмыкнув.

– Ты прекрасно знаешь, что у Бабули это получится гораздо лучше. Она знакома со всеми, кто имеет хоть какой-то вес в обществе, и знает, кто женится, а кто – нет. Я же пока никак не запомню имена всех этих графов и виконтов, чтобы быть в курсе самых последних сплетен. И еще не разобралась в семейных перипетиях лордов и леди, с которыми ты советуешь мне сблизиться.

– Кстати, любимая, тут у тебя все превосходно получается. – В этот момент ей как раз нужен был комплимент, именно поэтому он его и сделал. – Действительно, Бабуля, возможно, лучше тебя осведомлена в этом вопросе, но моя бабка не осилит приемы и приглашения, которые нам понадобятся, чтобы сделать все как следует. Безусловно, тебе стоит заручиться ее поддержкой и поддержкой тети Маргарет – они будут рады помочь тебе. Да, об услуге попросили меня, дорогая, но тебе, как моей жене, придется этим заниматься.

Конечно, Девлин прав. Он – герцог. Нельзя требовать, чтобы он занимался таким пустячным делом. Но, с другой стороны, она – герцогиня, и, по ее мнению, к ней это тоже должно относиться. Может быть, они придумают какой-то выход.

Приняв такое решение, Меган спросила:

– А тебе обязательно надо помочь графу?

– Обязательно, – уверил он ее. – Мне в свое время была оказана серьезная услуга. Это – мелочь по сравнению с тем, чего от меня могли бы потребовать взамен. Я очень рад, что этот вопрос решается так просто.

Ей захотелось снова хмыкнуть, но она сдержалась. Для него-то, конечно, просто. Он уже сложил с себя ответственность и умыл руки. По крайней мере он так думает. Но уж если ей придется устраивать приемы, чтобы найти этой девице достойного жениха, то она позаботится о том, чтобы Девлин на всех этих приемах присутствовал.

Тут она вдруг вспомнила, что вскоре они ожидают приезда еще одного гостя. Может быть, и не понадобится много времени, чтобы найти жениха для леди Кимберли...

– Твоя тетя Маргарет говорила, что приезжает племянник ее мужа...

– Вот и прекрасно, прекрасно...

– Значит, у нас опять будет полон дом гостей.

– А когда у нас не полон дом? – сухо отозвался Девлин.

Меган рассмеялась. Имея больше сотни слуг, говорить о полном доме значило еще преуменьшать. Однако ее муж имел в виду гостей – и снова был прав. Множество людей были связаны с Девлином различными делами, а поскольку Шерринг-Кросс располагался довольно далеко от Лондона, то, когда Девлин жил в поместье, они приезжали к нему и, как правило, оставались потом погостить – иногда даже на несколько недель, – прежде чем вернуться в столицу.

– Я хотела что-то сказать, а ты перебил, – укоризненно сказала она, намекая на его «прекрасно, прекрасно», – да, племянник Маргарет, кажется, готов жениться. Возможно, нам удастся не приглашать к себе весь свет, если они с леди Кимберли друг другу понравятся, – он же будет нашим гостем.

– Превосходно, – улыбнулся он. – Полагаю, ты позаботишься о том, чтобы они понравились друг другу?

– Постараюсь. Это гораздо проще, чем устраивать балы и приемы, на которых тебе каждый раз придется присутствовать.

Эта мысль его ужаснула.

– Пожалуй, я на это время переселюсь в Лондон.

Она задумчиво посмотрела на него:

– Да, действительно, в Лондоне все будет легче устроить. Меньше вероятности, что все останутся гостить.

Он мгновенно передумал:

– Я, наверное, лучше останусь в поместье.

Она невинно улыбнулась:

– Как хочешь. Если ты согласен терпеть каждое утро за завтраком тридцать или сорок человек...

Теперь Девлин смотрел на нее уже совсем кисло:

– Ты твердо решила меня во все это впутать, да?

– Безусловно.

Герцог вздохнул:

– Думаю, стоит поговорить с тетей Маргарет об этом племяннике. Если он подходит (а я не сомневаюсь), я тоже постараюсь заинтересовать его дочерью графа. – Он обнял Меган. – Прекрасная мысль, дорогая. Давай сделаем это побыстрее, хорошо?

Она прижалась к нему.

– Тогда, может быть, устроим себе потом небольшие каникулы: только мы с тобой и малыш? В конце концов, мы с рождения Юстина так и не были одни. Прошло уже много месяцев, а люди все приезжают посмотреть на твоего наследника. Может быть, сбежим в твой коттедж неподалеку от Бата?

Он рассмеялся:

– В коттедже двадцать комнат и полно прислуги. Так что и там трудно говорить об уединении, дорогая.

Меган нахмурилась: она рисовала себе нечто гораздо более скромное. Отбросив эту мысль, она предложила новую идею:

– Шерринг-Кросс такой огромный, мы могли бы переехать в какое-нибудь пустующее крыло, и никто бы даже не узнал, где мы втроем поселились.

Он посмотрел на жену, пытаясь определить, не шутит ли она. Поскольку по ее лицу ничего понять было невозможно, он сказал:

– Я должен принимать это как жалобу на размер моего дома?

– Ничуть. Это Тиффани называет Шерринг-Кросс мавзолеем, а не я.

Тиффани была подругой детства Меган. По правде говоря, они обе были еще детьми, когда впервые увидели Шерринг-Кросс. Тиффани действительно считала его мавзолеем. Но тогда они были искренне изумлены размерами герцогского поместья.

– Я всегда считала, что у него просто идеальный размер, – добавила Меган, – даже несмотря на то что порой не могу попасть куда хочу.

– Неправда! – запротестовал он.

– Ну это было только пару раз.

– Меган...

– Ну хорошо, только один раз, и то я быстро поняла, где оказалась.

Меган ухмыльнулась.

Она просто обожала дразнить мужа! Тогда он переставал быть чопорным и напыщенным и становился таким, каким был до встречи с ней; иногда старые привычки еще брали в нем верх. Ей гораздо больше нравился вспыльчивый и непослушный конюх, за которого она его приняла, когда убежала с ним в Гретна-Грин. Удивительно, что она вышла замуж за того самого герцога, которого, даже не видя, решила в прошлом году покорить.

– Знаешь, – сказал Девлин в ответ на ее поддразнивание, – я уже давно не бывал в дальних пристройках Шерринг-Кросса. Насколько я помню, туда никто не заходит. Ты уверена, что с той поры ничего не изменилось?

Выражение бирюзовых глаз ясно говорило Меган, в каком направлении работает его мысль. По телу ее пробежала горячая волна, как всегда, когда в его взгляде загоралась страсть. Свидание в середине дня в заброшенной части дома обещало немало удовольствий.

– Почему бы нам не проверить? – предложила она изменившимся голосом.

– Вот и я подумал.

Глава 4

Более величественного здания Кимберли не приходилось видеть. Когда она в последний раз ездила в Лондон с матерью, то побывала во дворце Виктории, была представлена королеве, видела великолепные покои царствующего семейства. Но Шерринг-Кросс, родовое поместье герцога Ротстона, Амброза Девлина Сент-Джеймса, одними своими размерами превосходил любой дворец. Раскинувшийся на бесконечных акрах идеально ухоженных газонов, он внушал настоящий трепет, а Кимберли и без того чувствовала себя достаточно неуверенно.

Чем больше она думала о причине, которая ее сюда привела, тем неудобнее ей становилось. Подумать только: такую важную персону – герцога Ротстона – попросили помочь найти ей мужа! Нет, нахальство отца не знает границ. И, надо полагать, его светлости герцогу не больше хочется оказать эту услугу, чем ей – воспользоваться этой услугой.

Путешествие в поместье оказалось не слишком приятным. Мало того что она смертельно устала от трехдневной непрерывной езды – в пути у кареты отвалилось колесо, и пришлось несколько часов ждать, пока его починят. Сильно похолодало, и небольшая печка, установленная в карете, не могла ее согреть.

Потом в одной из гостиниц, где она остановилась на ночь, компания шумных шотландцев, расположившихся в соседней комнате, полночи не давала ей уснуть. Сама она ничего против шотландцев не имела – это отец терпеть их не мог, обвиняя в гибели женщины, которую когда-то любил. В гибели, которая, как решила Кимберли – и в свое время суд, – была случайной.

Отец никогда не скрывал от жены своей неумиряющей любви к другой женщине – наоборот, очень часто о ней вспоминал, – но его чувства не оказали на Кимберли никакого влияния. Может быть, потому, что отец никогда не был ей близким человеком. Больше того, временами она даже думала, что той, другой женщине еще повезло, что ей не пришлось прожить всю жизнь с графом. Но такие мысли приходили ей в голову не часто: обычно тогда, когда поведение отца вызывало у нее особенно сильное отвращение.

Тем не менее ей решительно не понравилось поведение шотландцев. Она три раза жаловалась управляющему, но они так и не утихли. Хорошо еще, что с ней не было отца: он бы закатил жуткий скандал.

Неприятно, что она наговорила грубостей одному из шотландцев, когда утром столкнулась с ним в коридоре. Бедняга еле продрал глаза, но к тому времени, когда она гордо удалилась, излив на него все свое раздражение, они у него чуть ли не на лоб полезли. Несколько часов спустя, в дороге, она раскаялась в своем раздражении. Она редко выходила из себя и не могла оправдать свой гнев даже усталостью.

Новая камеристка Мэри ничем ей не помогала. Она оказалась еще более неподготовленной путешественницей, чем Кимберли. Ее постоянные жалобы при каждом толчке кареты, задержке в пути или ухудшении погоды вывели бы из себя даже святого. Но по крайней мере она хотя бы отдыхала ночью – спала как убитая.

В довершение всех неприятностей Кимберли простудилась. От бесконечного чихания нос покраснел, как вишня; тело ломало от тряской дороги; голова, казалось, вот-вот расколется от боли. Но нужно было держаться прилично и произвести на их светлостей благоприятное впечатление. Просто смешно! Да они только взглянут на нее – и придут в ужас от того, во что ввязались.

Тем не менее делать было нечего. Она приехала в Шерринг-Кросс. Лакеи в пышных ливреях уже подходили к карете, чтобы помочь ей выйти. Огромные парадные двери были распахнуты. Ей ничего не оставалось, как только войти.

При столь неблагоприятных обстоятельствах она надеялась – нет, молилась, – чтобы сначала ее провели в отведенную ей комнату и чтобы она встретилась с их светлостями после того, как немного придет в себя. Но ей не повезло. Сама герцогиня Ротстон встречала ее в огромном холле.

Увидев друг друга впервые, обе были в некоторой степени поражены. Кимберли не ожидала, что молодая супруга Сент-Джеймса окажется такой миниатюрной и такой невысказанно прекрасной. Конечно, можно было и догадаться. Она встречалась с герцогом лет десять назад, когда ему было всего двадцать, и даже тогда, хотя маленькие девочки на такие вещи особого внимания не обращают, он запомнился ей как необыкновенно красивый мужчина. Так что вполне естественно, что жена у него хороша собой. Но чтобы настолько!

Меган Сент-Джеймс была воплощением яркой красоты. Ее огненно-медные волосы совершенно не соответствовали идеалу моды, но необыкновенно ей шли. Темно-синие глаза излучали тепло и дружелюбие; фигура, не испорченная первыми родами, была стройна и женственна.

Рядом с ней Кимберли почувствовала себя неуклюжей замарашкой. В их маленьком городке в Нортумберленде не могли угнаться за модой. К тому же она только-только сняла траур, и одежда мешковато сидела на похудевших плечах. Это, правда, было не очень заметно под огромным зимним пальто, в

котором она путешествовала, – по крайней мере до тех пор, пока один из лакеев не помог снять его.

Меган, когда первое удивление прошло, решила, что новое платье, подогнанное по фигуре, более мягкая линия прически и припудренный нос сотворят с леди Кимберли чудеса. Конечно, она не будет первой красавицей сезона (что очень обидно), но тут уж ничего не поделаешь. Не может же каждая юная мисс, попадающая на ярмарку невест, быть писаной красавицей.

Меган решила, что все могло быть гораздо хуже. По крайней мере эта леди не уродлива. Кимберли Ричардс оказалась просто... ну... В голову пришло только одно: неприметной. А глаза у нее красивые: чистого темно-зеленого цвета. Просто на то, чтобы выдать ее замуж, может понадобиться немного больше времени, чем они рассчитывали.

Тут Кимберли громко чихнула, вероятно, чтобы сделать встречу еще более незабываемой. А тут еще она обнаружила, что оставила свой кружевной носовой платочек в карете. Она чуть было не запаниковала – но тут Меган лучезарно улыбнулась, заиграв ямочками.

– Простуда? – с пониманием спросила она. – Обидно. Но ничего удивительного – такая ужасная погода!

Кимберли удивилась улыбке герцогини и тону, которым были произнесены эти якобы сочувственные слова. Она даже замерла, посчитав себя обиженной, но решила, что, измучившись в дороге, могла понять хозяйку дома неправильно. Поэтому она лишь сказала:

– Я сейчас вернусь, ваша светлость. Кажется, я кое-что оставила в карете.

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения и не дав герцогине остановить себя, она открыла входную дверь. Карета все еще должна стоять у дверей – Мэри осталась присматривать за тем, как будут выгружать багаж. Но Кимберли увидела совсем другое.

За дверью, подняв кулак, чтобы постучать (он еле успел его отдернуть и не попасть ей в лоб), стоял необыкновенно интересный мужчина. Он был высокий, очень высокий, почти семи футов роста. Кимберли замороженно застыла – он

был невероятно хорош собой.

Его темно-каштановые волосы были стянуты сзади, чтобы ветер не трепал их. Случайный луч солнца, упавший из-за туч, на мгновение высветил в густых кудрях рыжие искры. В светло-зеленых глазах искрился смех, потухший под ее пристальным взглядом. Он был не просто очень высок, но еще и мощно сложен: ноги напоминали стволы деревьев, грудь – огромную бочку, и все это – крепкое, мускулистое.

– Чем глазеть на меня, девица, почему бы не посторониться и не дать мне войти?

Голос его оказался низким, раскатистым и удивительно мелодичным – отчасти благодаря легкому шотландскому акценту. Видимо, он был из тех, кому не нравится, когда на них глазят. Но как можно было удержаться? Кимберли никогда еще не приходилось видеть таких высоких мужчин и к тому же таких красивых (ну, может быть, за исключением герцога Ротстона).

Она настолько смутилась, что не могла ни двинуться, ни слова сказать, и когда вдруг ощутила щекотание на верхней губе, подняла руку и вытерла под носом рукавом. Это было ужасной ошибкой, которой не допустил бы и ребенок, не то что взрослая женщина, а она даже не осознала, что сделала, пока не услышала, как он хмыкнул.

Этот звук в тысячу раз усугубил ее смущение. А тут еще он взял ее за талию и просто убрал с дороги!

Но заалевшие щеки, которые теперь по яркости соревновались с кончиком носа, остались незамеченными, благодаря тому что герцогиня Ротстон и незнакомец наконец увидели друг друга. Кимберли, по-прежнему глазевшая на него, сразу же заметила его восторг при виде герцогини. Он буквально светился от удовольствия и радости: губы раздвинулись в искренней улыбке, зеленые глаза заискрились смехом. Ей казалось, что он готов заплясать от восторга.

А вот Меган Сент-Джеймс вовсе не была ему рада.

– Боже правый, шотландец-разбойник! – воскликнула она, прижимая руку к груди. – Вы ведь не будете нас грабить?

Его улыбка вдруг стала чувственной и произвела на Кимберли очень странное действие: словно кто-то нанес ей легкий удар в солнечное сплетение – перехватило дыхание, но боли не чувствовалось. А ведь улыбка даже не была адресована ей!

– Если ты позволишь украсть твое сердце, дорогая, то буду, – ответил он, добавив: – Неужели самая прекрасная девушка Англии живет под одной крышей с моей тетей Маргарет? Неужели так повезло?

Услышав это, Меган с недоверием покачала головой.

– Вы – племянник Маргарет? Не может быть, чтобы нам так не повезло! Родственники Маргарет по мужу – это ведь Макгрегоры, а не Мак... – она помолчала, пытаясь вспомнить имя, которое он назвал ей тогда, – Макдуэлл, кажется? Да, вы сказали, что вас зовут Лахлан Макдуэлл.

– Но ты ведь не думала, что разбойник назовет тебе свое настоящее имя? – Он не переставал улыбаться. – Нет, я – Макгрегор, но если точнее – лэрд клана Макгрегоров. А Лахлан – мое настоящее имя. И как же мне приятно, что ты не забыла!

Это было совершенно очевидно – он не переставал улыбаться. Но не менее очевидным было и неудовольствие Меган по поводу такого неожиданного оборота дела.

– Так не пойдет, Макгрегор, – предостерегла она. – Девлин не позволит вам остановиться в доме. Вы ему ничуть не понравились, если помните.

– Девлин Джеффрис? А какое он имеет отношение к Шерринг-Кроссу?

– Быть может, то, что он ему принадлежит? – сухо вато промолвила она, пояснив: – И Девлин вовсе не Джеффрис. Как и вам, ему тогда нравилось использовать чужие имена.

Незнакомец вдруг ужаснулся:

– Погоди-ка минутку. Так что же, твой чертов англичанин – внучатый племянник моей тетки, Амброз Сент-Джеймс?

– Ш-ш! Он просто ненавидит свое первое имя! Да, это именно он.

Теперь приезжий застонал:

– Ах, пожалуйста, милая, только не говори, что ты вышла замуж за этого человека!

– Очень даже вышла, – сердито бросила Меган.

Его стон перешел в рычание, которое вдруг сменилось новой улыбкой. Он пожал плечами:

– Ну и пусть. Мне приходилось преодолевать преграды и пострашнее.

Меган прищурилась:

– Сию же минуту забудьте об этом! Я замужем – и очень счастлива, – подчеркнула она. – Могу с полной уверенностью обещать, что вы не будете жить в Шерринг-Кроссе, как собирались. И кроме того, готова поклясться, что Маргарет говорила, будто вы ищите себе жену.

Взгляд, которым он одарил Меган и от которого та покраснела, ясно сказал, что он нашел единственную женщину, которую хотел бы назвать своей женой. Кимберли, перехватившая его взгляд, почему-то испытала сильное раздражение, хотя все происходившее не имело к ней никакого отношения. Она попробовала откашляться, чтобы напомнить им о присутствии свидетеля при этом крайне личном разговоре, но ее по-прежнему не замечали.

– Останусь я здесь или поблизости, я все равно буду добиваться того, чего жаждет мое сердце. Я буду дураком, если этого не сделаю.

– Вы будете дураком, если это сделаете, – ответила Меган, добавив со вздохом: – Вы, похоже, тупица. – Она покачала головой, словно недоумевая. – Такой же тупица, как и год назад, когда я вам сказала, что обещана другому. А вы

отказались мне верить.

– Я просто упорный, – поправил он ее, снова улыбнувшись. – И при чем тут такая мелочь, как муж, когда два сердца предназначены друг для друга?

Тут Меган подняла глаза к небу. Кимберли, с каждой минутой раздражаясь все сильнее, снова кашлянула – на этот раз громче. Теперь Меган услышала и посмотрела в ее сторону. Одно мгновение ее взгляд был совершенно непонимающим, словно она никак не могла вспомнить, кто такая Кимберли и как она здесь очутилась.

Наконец она громко ахнула:

– Милая леди Кимберли! Пожалуйста, простите меня за то, что я отвлеклась. Вы, наверное, совсем измучились с дороги, а я заставила вас стоять и дожидаться, пока переговорю с этим неисправимым шотландцем... – Она кинула на Лахлана укоризненный и сердитый взгляд, ясно говоривший, что, по ее мнению, вина целиком лежит на нем. – Мне так неловко! Пойдемте, я провожу вас в вашу комнату, и заодно займемся вашей простудой. К счастью, у Бабули – бабушки Девлина – есть великолепные средства...

Лахлан никак не хотел угомониться и, не давая Меган увести измученную ожиданием Кимберли, произнес:

– Ах, дорогая, но ты же меня не покинешь! Я так давно не наслаждался твоим лучезарным сиянием.

Меган негромко фыркнула и строго нахмурилась:

– Мне надо позаботиться о гостье, которую я рада у себя видеть, – а вас нет. Прикажите кому-нибудь из слуг вызвать к вам Маргарет и потрудитесь рассказать ей о вашей предыдущей встрече с Девлином. Не сомневаюсь, и она скажет, что вам придется изменить ваши планы: эта леди наверняка не была осведомлена о ваших некрасивых делишках. Иначе не пригласила бы в дом вора.

– Разбойника, дорогая, – поправил он обиженно. – Пожалуйста, не путайте.

Меган досадливо вздохнула:

– Никакого различия не вижу, Макгрегор, вы грабили англичан. Вы, шотландцы, может, и смотрите на это по-другому, но мы, англичане, – нет.

– Но это спорный вопрос, поскольку я уже не разбойник, – уверил он ее. – Не могу исправить то, что было сделано (и по вполне веским причинам), но поверь, я начал новую жизнь.

– Вот как? Никогда не поверю. И мы говорили об этом достаточно долго. Прощайте.

Кимберли успела увидеть на лице шотландца сначала досаду, а потом выражение решимости. Он явно не привык мириться с поражениями. Однако если он будет пытаться завоевать сердце Меган Сент-Джеймс, то поражение ему обеспечено: вся Англия знает, что герцог и герцогиня Ротстон безумно любят друг друга. Известие об этом достигло даже такой глуши, как Нортумберленд, но, видимо, в Шотландии об этом еще не слышали.

Горец-шотландец. Очень жаль. Кимберли почувствовала некоторое влечение к Лахлану Макгрегору... Нет, это слишком слабо сказано. Она почувствовала очень сильное влечение. Нет смысла это отрицать. Но его сердце уже завоевано – пусть и замужней женщиной. И он – шотландец. И даже если бы можно было преодолеть первое препятствие, то со вторым сделать ничего нельзя. Отец никогда не одобрил бы ее брак с шотландцем. Скорее он от нее отречется – и плевать ему на то, какой скандал это вызовет.

Шотландец! Очень, очень жаль.

Глава 5

– Бедный мой мальчик, – сочувственно проговорила Маргарет Макгрегор, когда Лахлан без утайки рассказал о том, что заставляет его искать жену. – Уиннифред? Кто бы мог подумать, что она способна на такое! Она всегда казалась такой милой девочкой!

Лахлан невольно улыбнулся. Уиннифред было около пятидесяти, но самой Маргарет уже за семьдесят, и всех, кто был моложе шестидесяти, она называла мальчиками и девочками. Она была симпатичной, доброй старой дамой, немного полноватой и всегда жизнерадостной – по крайней мере в присутствии Лахлана. Он согласился с ней: никто бы не подумал, что Уиннифред способна на такую подлость.

Наливая Лахлану еще одну чашку чаю (они сидели вдвоем в громадной гостиной Шерринг-Кросса), она укоризненно спросила:

– Почему ты не обратился ко мне? Твой двоюродный дедушка Ангус – царство ему небесное – оставил мне неплохое состояние. Денег у меня столько, что всех ни за что не истратить.

Лахлану было неловко говорить на такие темы, но если бы он попытался объяснить свои соображения, то попал бы в еще более щекотливое положение. Брать взаймы деньги у кровной родни – это еще допустимо. Но Маргарет была ему чужой – она породнилась с ними через брак, и мужа ее уже не было в живых, иначе Лахлан не сидел бы сейчас здесь. Он бы давным-давно обратился за помощью к дедушке Ангусу.

Поэтому он только сказал, что надеялся справиться со всеми трудностями самостоятельно, рассчитывая, что Маргарет не станет расспрашивать его подробнее.

Она действительно не стала его расспрашивать, хоть и прищелкнула языком, давая понять, что не согласна с ним.

– Ладно. Сейчас ты, по-моему, на правильном пути. Жена с неплохим состоянием – это как раз то, что тебе надо.

Он кивнул в знак согласия, хотя предпочел бы другой выход.

– Я должен рассказать вам еще одну вещь, тетя Маргарет. Пока я сюда не приехал, не думал, что это будет проблемой. Я встречался с вашим племянником Амброзом при весьма неблагоприятных обстоятельствах. Он тогда назывался другим именем, вот почему я до сегодняшнего дня не знал, что мы с ним... знакомы.

– Другим именем? – нахмурилась она. – Это когда он в прошлом году был в Шотландии?

– Угу, тогда. Я остановил его, чтобы... забрать монеты, но вместо этого забрал невесту.

Поблекшие бирюзовые глаза Маргарет на секунду широко раскрылись, затем весело сощурились – и она рассмеялась.

– Боже правый, так это был ты?! Мы с сестрой кое-что об этом слышали от Меган Девлин, конечно, не стал рассказывать эту историю, хотя освобождение и было по-настоящему героическим. Надо признаться, мы с Бабулей от души посмеялись.

Лахлана успокоило то, что Маргарет нашла эту историю забавной. Сам он таковой ее не считал и прекрасно знал, что Девлин относится к ней так же.

– Дело в том, – объяснил он, – что Меган решила, что он не позволит мне остаться здесь.

– Чепуха, конечно, позволит! – решительно возразила Маргарет, но тут же добавила: – Позволит, когда узнает, в каком положении ты оказался, – а я об этом позабочусь. Не тревожься, мой мальчик. Мы тебя быстренько женим.

Лахлан улыбнулся, словно соглашаясь, но невольно покраснел при мысли, что Девлину станет известно о его крайне затруднительном положении. Что за ужасное невезение: красавица Меган вышла замуж за родню его тетки!

А с другой стороны, если бы она этого не сделала, то он скорее всего никогда бы ее снова не нашел.

То, что он ее нашел, несколько меняло его планы. Нет, вообще-то полностью меняло. Теперь он не будет искать себе жену – по крайней мере до тех пор, пока не приложит все силы к тому, чтобы отнять Меган у герцога. Если ему это удастся, придется поискать другой способ поправить благосостояние своего семейства. Хотя он ничего другого пока придумать не мог.

Меган! Он и вправду ее нашел. И она такая же прекрасная, какой ему запомнилась, – или даже еще прекраснее. «И все такая же неукротимая», – нежно подумал он. Но до чего же странно: в поисках жены он встретился с нею! Значит, сама судьба предназначила ее для него, а не для англичанина. Надо только убедить ее в этом, что он и собирался сделать.

– Мы с сестрой составили для тебя список невест, мальчик, – продолжала тем временем Маргарет, не зная о том, какое решение он принял. – И по счастливому стечению обстоятельств одна из них вот-вот приедет сюда погостить – сама ищет мужа, знаешь ли. Дочь богатого графа, вот кто она. Ничего лучше и не придумать. Говорят, у нее огромное приданое, включая несколько отличных поместий.

Лахлан кивнул: не мог же он сказать тетке, что его планы изменились и что его не интересуют никакие наследницы, – его бы выставили из Шерринг-Кросса. К тому же ему по-прежнему нужна ее помощь: не может же он обратиться к мужу Меган с просьбой разрешить ему пожить в его доме, пока он будет соблазнять его жену! Тот наверняка этого не поймет.

Поэтому он сказал:

– Звучит просто идеально, тетя Маргарет. Вам надо будет нас познакомить, когда она приедет, – конечно, если я к этому времени уже не вернусь в Шотландию, что сейчас кажется вполне вероятным, – со вздохом заключил он.

Наклонившись вперед, она похлопала его по руке.

– Не тревожься. Наш Дев не такой уж злодей, чтобы выгнать тебя из-за какого-то мелкого недоразумения, которое к тому же произошло страшно давно. Я прямо сейчас переговорю с ним, чтобы ты успокоился. Так что чувствуй себя как дома, Лахлан, мой мальчик, – ты остаешься.

– Он не останется, и это мое последнее слово! – За последние несколько часов Девлин повторил эту фразу уже много раз, но, казалось, на него никто не обращает внимания, – по крайней мере в том, что касалось этого вопроса.

Меган первая нашла его, сообщила, кем оказался шотландский родственник его тетки, и оставила размышлять над тем, до чего ему не повезло. Потом в кабинет явилась Маргарет с каким-то вздорным рассказом о всевозможных несчастьях, выпавших на долю горца: у него якобы украли все наследство, так что он занялся грабежом только для того, чтобы помочь своей родне.

Чтобы мачеха сбежала с фамильными драгоценностями и пропала без следа? Вранье! Скорее всего шотландец просто сочинил эту историю, зная, как она подействует на их сердобольную родственницу и подобных ей легковверных дам. Даже Меган запела на иной лад, а ведь поначалу негодовала из-за того, что Лахлан Макгрегор оказался с ней под одной крышей!

В гостиной, где все члены семьи обычно собирались перед ужином, бабушка и ее сестра Маргарет о чем-то совещались, сидя на кушетке. Они разговаривали так тихо, что их голоса не доносились до Девлина и Меган, стоявших у камина. Лорд Райт, приехавший из Лондона, чтобы купить одну из знаменитых чистокровных лошадей Шерринг-Кросса, и оставшийся на ночь, беседовал с леди Кимберли о погоде. Жаль, что ему за пятьдесят и он женат, потому что он выказывал явный интерес к их молодой гостье.

По крайней мере у предмета их разговора хватило совести не появиться в гостиной. Очень кстати, поскольку Девлин не мог предсказать, как он отреагировал бы на встречу с этим мошенником. Тот все еще находился в его доме – но только потому, что того требовала элементарная вежливость. А уж отправится обратно в свою Шотландию – или куда пожелает – с утра пораньше.

Девлин снова и снова повторял свое решение, потому что теперь Меган советовала разрешить шотландцу остаться. Она еще не объяснила, почему передумала, но он не сомневался, что она сделает это, когда сочтет нужным. Меган никогда не заставляла его гадать, чем вызван тот или иной ее поступок, – по крайней мере долго.

Что до его заявления, то она только лишь заметила:

– Ты ведь не злишься на какую-то глупость, которая произошла больше года назад?

Девлин только приподнял бровь:

– Глупость? Человек упал на колени и просил тебя стать его женой, как только тебя увидел, а когда ты решительно ему отказала – что сделала бы любая нормальная женщина, – он тебя похитил.

– Да, но ты меня вызволил и к тому же как следует его за это поколотил, – напомнила она мужу. – Или ты забыл, что отомстил?

Только те, кто хорошо знал Девлина, по чуть заметному движению губ определили бы, что он остался доволен. Впрочем, ненадолго.

– Это не имеет отношения к тому, чем он занимается, – сказал он. – Боже правый, да ведь он – просто вор! Почему вы, дамы, не можете этого понять? Да будь он даже пасынком моей тетки, а не внучатым племянником ее мужа, я бы все равно не принял его в своем доме.

В их сторону начали посматривать, и Меган прошептала:

– Пожалуйста, не так громко! Ты даже не заметил леди Кимберли – настолько она... незаметная. Значит, нам будет дьявольски трудно подобрать ей мужа, а ты готов вышвырнуть из дома кандидата! Ты что, уже забыл о нашем решении свести вместе этих двоих?

Теперь Девлин понял, почему Меган передумала, но, по его мнению, это несколько не меняло дела.

– Наше решение относится к прошедшему времени, Меган. Его занятия делают его неподходящей партией для дочери графа.

– Перестань, Дев! – нетерпеливо прервала его Меган. – Он – шотландский лорд и к тому же глава клана. Это делает его вполне подходящей партией для дочери графа, и ты прекрасно это понимаешь. А его неприглядное прошлое можно забыть, принимая во внимание обстоятельства, которые заставили его стать

разбойником. Ты же слышал, что рассказывала твоя тетя. Бедняга был в отчаянном положении. И к тому же он от этого отказался. Он приехал сюда, чтобы найти богатую жену, так что больше к грабежам не вернется. С приданым, которое принесет ему леди Кимберли, у него ведь не будет причин оставаться разбойником, правда?

Герцог хмыкнул:

– Если только он не получал от этого удовольствия. В противном случае он продолжит выискивать жертвы вблизи границы, будет у него жена или нет. Ты ведь не станешь отрицать, что он казался весьма довольным, когда нас грабил, Меган.

– Кажется – может быть, но наверняка мы этого не знаем. Сам факт, что он ищет богатую жену, с моей точки зрения, доказывает, что ему не хочется продолжать в том же роде. Не понимаю, почему бы нам не дать ему возможность доказать, что он говорил искренне. Даже твоя бабушка готова это сделать.

– Если он говорил искренне, я готов съесть мою...

– Не давай обещаний, о которых можешь пожалеть, – с усмешкой перебила его Меган. – И признай: тебе он просто не нравится. Вот твое главное возражение.

– Это только малая часть моих возражений, – настаивал он. – И хватит говорить об этом негодяе. Он не останется, и это мое последнее слово!

Глава 7

Значит, шотландец – действительно грабитель! Макгрегор и сам сказал то же самое – назвал себя разбойником, но Кимберли не приняла эти слова всерьез, поскольку разговор между ним и герцогиней, который она невольно подслушала в дверях, показался ей скорее шуткой. Но теперь герцог это подтвердил!

Макгрегор был настоящим грабителем – и к тому же однажды пытался ограбить их светлостей. И это еще не самое страшное. Он был не просто грабителем – он

похищал женщин! Поразительно. А еще более поразительно то, что этого типа сразу же не передали в руки мировому судье. Но Кимберли решила, что это связано с тем, что он – дальний родственник тетки герцога.

Несмотря на отвратительное самочувствие, она вышла к ужину, потому что хотела еще раз увидеть шотландца. Как глупо с ее стороны! А он даже не появился. Было бы гораздо разумнее пораньше лечь в постель. Теперь же, когда она пыталась заснуть, из соседней комнаты слышался непрерывный стук, скрип, взрывы хохота и голоса – достаточно громкие, чтобы мешать, но слишком тихие, чтобы можно было разобрать слова. Она снова вспомнила бессонную ночь в гостинице – там стены были тоньше, так что она различала шотландский акцент в доносившихся до нее время от времени словах. Сейчас шум был не многим меньше, и если это продлится еще, она вынуждена будет что-то предпринять, хотя и сама не знала, что именно.

Наверное, постучать в стену будет проще всего. Чувствуя себя крайне усталой, она не хотела идти разыскивать домоправительницу, просить, чтобы ей отвели другую комнату. Не в первый раз она пожалела, что чутко спит, – иначе заснула бы, несмотря на нестихающий шум.

Приличнее всего было бы молча страдать, но терпение кончилось. Четверть часа спустя, так и не дождавшись тишины, она изо всей силы застучала в стену у своей кровати.

В ответ все стихло. Видимо, там, за стеной, поняли, в чем дело. Она вздохнула, поправила подушку, улеглась поудобнее – и тут же вскочила, потому что в стену забарабанили, и гораздо громче, чем это сделала она.

Это было последней каплей. Похоже, как проще не получится. Она попросит, чтобы ее перевели в пустое крыло – в таком огромном доме оно наверняка есть, но сначала скажет этим бесцеремонным персонам по соседству все, что о них думает. Если бы совсем недавно с ней не случилось то же самое, ей и в голову бы не пришло устраивать сцену. Сейчас же она была вне себя от злости и забыла о правилах приличия.

Она решительно вскочила с постели, туго затянула пояс на пеньюаре, рванула дверь так, что та ударила в стену, и уже через несколько секунд изо всей силы заколотила в дверь соседней комнаты. Неудивительно, что ее сразу же открыли.

В дверях стоял Лахлан Макгрегор.

На этот раз Кимберли не лишилась дара речи, хотя гость и показался ей таким же интересным. Возмущенно глядя на него, она спросила:

– Вы что, не понимаете, что сейчас уже поздно? Вы же мешаете окружающим своим нестерпимым шумом!

Он с любопытством на нее посмотрел и сказал:

– Так у маленького воробышка все-таки есть голос?

Она покраснела, вспомнив, как безмолвно на него гладела, но не успокоилась, особенно когда увидела человека, развалившегося в кресле в комнате, – им оказался тот самый мужчина, которого она совсем недавно отчитала в гостинице за то, что он полночи не давал ей заснуть.

– Ну, за это я могу поручиться, – сказал мужчина, пьяно кивая. – Голос? Да она вопит как фурия! Наорала на меня в гостинице пару дней назад – и ни с того ни с сего!

– А, тогда ничего удивительного, что меня поместили рядом с прислугой, – ответил Лахлан, якобы обращаясь к другу, но не сводя глаз с Кимберли. – Я улягусь когда мне заблагорассудится. Мне, конечно, очень жаль, что мы тебе мешаем, девушка, но, – он пожал плечами, – вини в этом своих хозяев, раз уж они меня сюда поместили.

Он мог еще принять ее за служанку, когда столкнулся с ней в дверях, но если он не глухой, то должен был слышать, как герцогиня называла ее титул, извиняясь перед Кимберли. Меган упомянула и то, что она здесь гостит. Поэтому его вывод о том, что он оказался в помещении для слуг, Кимберли восприняла как чистой воды оскорбление, причем намеренное.

Отвратительный тип! Совершенно не умеет себя вести. Но ведь она и раньше это знала – он демонстративно не замечал ее в холле. Однако Кимберли не собиралась отступать только потому, что ему вздумалось говорить гадости.

– Очевидно, вы привыкли устраивать шум повсюду, где бы ни появлялись. Это не помещение для прислуги, Макгрегор, как вам прекрасно известно. Я в Шерринг-Кроссе гостя, так же как и вы. Кроме того, мне нездоровится. Я крайне устала и хочу выспаться, но вы изо всех сил стараетесь перебудить весь дом.

– Думаю, в таком огромном доме сделать это довольно трудно, хотя готов признать, такая мысль меня привлекает, если учесть мое настроение.

Последние слова он произнес с несколько зловещей улыбкой, которая заставила девушку нахмуриться еще сильнее. Было ясно, что он не собирается поступить так, как того требовала порядочность.

С досады она выпалила:

– А я думаю, что у вас мозгов не хватает, чтобы вообще хоть что-то думать! Неужели вы, шотландцы, всегда такие бесцеремонные? Или вы настолько эгоистичны, что вам безразлично, как действует на людей ваша грубость?

Ей удалось его разозлить. Внезапно потемневшее лицо сказала об этом яснее всяких слов. Он шагнул к Кимберли, она ахнула и отступила. Он сделал еще шаг, а потом еще и еще, отчего в ее груди поднялась волна страха; она пожалела, что не пошла разыскивать домоправительницу.

– Так ты считаешь меня грубым, да? – произнес он низким, грозным голосом. – Ты еще не знаешь, что такое настоящая грубость, девушка, но я могу тебе это показать, если ты не перестанешь надоедать мне своими глупостями.

К тому времени как он кончил говорить, она оказалась возле собственной комнаты. Именно этого он и добивался, поскольку коротко кивнул, схватился за ручку ее двери и с шумом захлопнул ее.

Кимберли осталась стоять, широко распахнув глаза и дрожа. Да, здорово он ее напугал. Но только потому, что она совершенно не знала, чего можно от него ожидать. И его выходка сошла ему с рук. Как, наверное, шотландец сейчас доволен собой!

Из соседней комнаты опять донесся громкий смех. Кимберли покраснела – она не сомневалась, что смеются над ней. Испуганный воробышек упорхнул обратно в свое гнездышко! Ей ужасно хотелось снова вернуться к ним и сказать еще кое-что, очень хотелось – но сердце все еще отчаянно колотилось. И она была отнюдь не уверена в том, что ему не удастся снова ее напугать.

Ее бесило, что она не может справиться с ситуацией так, как ей бы хотелось. И все из-за того, что шотландец для нее личность несколько загадочная, тогда как она привыкла иметь дело с людьми понятными. Откровенно говоря, она просто была слишком напугана, чтобы снова идти на конфликт.

С возгласом отвращения, вызванного главным образом отсутствием у нее должной отваги, она заперла дверь, скинула пеньюар и снова залезла на огромную кровать с пологом. Очень удобную кровать. Но она уже не мечтала заснуть – по крайней мере в эту ночь. Было по-прежнему слишком шумно, и она все еще злилась.

Однако Кимберли решила не просить комнату в каком-нибудь удаленном крыле дома. Она подождет, пока в соседней комнате станет тихо, а потом сама начнет шуметь, оплатит этому гадкому человеку той же монетой. К счастью, завтра он уедет. Она слышала, что по этому поводу сказал Амброз Сент-Джеймс. Шотландец тут не останется.

Глава 8

– Так ты напугал бедняжечку до смерти, Лахлан? – спросил Джиллеонан, как только его друг вернулся в комнату. – Не слышал, чтобы она звала на помощь – похоже, она либо проглотила язык, либо вообще умерла от страха.

Лахлан бросил на родича мрачный взгляд.

– С чего это ей звать на помощь? Я к ней даже не притронулся.

– Ох, так, может, надо было притронуться, только нежненько. Тебе всегда лучше удавалось улещать и соблазнять, а не пугать – и недовольных меньше.

– С девушками, которые меня знают, – может, и да. Но те, кто со мной не знаком и не подозревает, какой я славный парень, обычно убегают, стоит мне не так на них посмотреть.

Ранальд, развалившийся в удобном кресле, захохотал:

– Славный, говоришь? Лэрда Макгрегоров можно называть по-разному, но чтобы славным!.. – Он захохотал еще громче.

Увидев хмурое лицо друга, Джиллеонан сказал:

– Не обращай внимания, Лахлан. Он, по-моему, выпил эля больше, чем следовало, но не без причины.

Осуждение, прозвучавшее в голосе Джиллеонана, от Лахлана не укрылось, и он нашел это крайне неприятным. Ранальд наливался элем с того момента, как услышал, кем оказалась хозяйка дома. Обоих его родственников отнюдь не обрадовало то, что он снова нашел свою Меган. Ранальд настолько перепил, что даже не заметил, как разговор снова вернулся к теме, которую они обсуждали перед тем, как их прервала мегера из соседней комнаты.

– Не сомневаюсь, как только она немного осмелеет, так снова поднимет шум, – заявил Ранальд. – Она меня тогда в гостинице так отчитала, пока вы с Джиллом дрыхли! Я толком и не понял, чем она недовольна. Если бы она так не вопила, я бы просто любовался ею: фигурка у нее – прелесть!

Лахлан закатил глаза. Джиллеонан, стоявший с пинтой эля у камина, в котором горел слабый огонь, негромко засмеялся.

Ранальд был равнодушен к хорошей фигуре. Пусть женщина страшна как смертный грех, но если сложена по его вкусу, он моментально распалялся. Лахлан вынужден был признать, что тоже заметил женственные формы под туго подпоясанным пеньюаром.

По правде говоря, он заметил еще кое-какие детали, на которые не обратил внимания, когда на ней было блеклое мешковатое платье, – у нее оказалась пышная грудь, к тому же девушка была высокого роста. Мужчине, обычно

возвышавшемуся над всеми женщинами на фут, а то и больше, было непривычно встретиться с особой, рядом с которой он не чувствовал бы себя великаном. А еще у нее были великолепные зеленые глаза, горевшие гневом, и кожа – шелковая и белая, словно сливки. Заметил он и роскошные золотистые волосы, волной спадавшие до пояса, – они придавали ей манящий и чувственный вид.

Да, необычная женщина. На первый взгляд она показалась ему неприметной – пугливым воробышком, на которого можно не обратить внимания. Но теперь он чувствовал, что ее оперение скрывает некую тайну. Она явно не стеснялась дать волю своему острому язычку, для чего нужна была некоторая храбрость – или полное отсутствие здравого смысла.

Да, Ранальда она определенно должна заинтересовать. Лахлан и сам заинтересовался бы, не будь он совершенно покорен своей милой Меган. Сейчас его волновало только одно – он хотел завоевать Меган и лелеять ее всю оставшуюся жизнь. Надо только справиться с небольшой проблемой – с тем, что у нее уже есть муж. А его родичи, похоже, этого не понимают.

Когда Лахлан сообщил им, кем оказалась герцогиня Ротстон и что он намерен завоевать эту прекрасную даму, Джиллеонан напрямик спросил:

– Ты что, парень, совсем сдурел – собираешься украсть жену у герцога? Или, может, ты забыл, что она принадлежит другому?

Забывать Лахлан не мог, но он не стал придавать этому такого большого значения. Поэтому ответил:

– Она сделала неправильный выбор, и я собираюсь ее в этом убедить. Развод – не такая уж неслыханная вещь.

– Для аристократов это позор, – напомнил ему Джиллеонан. – А ты еще хочешь, чтобы она отказалась от герцогского титула! Не могу себе представить, чтобы какая-нибудь женщина на это согласилась.

– Ну, проверка истинной любви...

Джиллеонан только фыркнул:

– Вернее, проверка истинного идиотизма. И кроме того, Лахлан, ты забываешь, что приехал сюда, чтобы подобрать себе богатенькую мисс. А что, если у нее ни гроша за душой?

– Чтобы герцог женился на бедной девушке?! – Лахлан тоже презрительно фыркнул. – Скорее она сама из семьи герцогов или маркизов. Герцоги не женятся на тех, кто стоит ниже.

– Герцоги могут жениться на ком им заблагорассудится, и такому богачу, как этот, не важно, если девушка окажется бедной. Ему от жены ничего не надо, кроме ее самой и детей, которых она ему родит. А эту он захотел бы в любом случае, как и ты, потому что она красавица. Но тебе-то деньги нужны. Или ты забыл о таком пустячке?

В этот момент их прервали стук в дверь и вздорные укоры фигуристой девицы из соседней комнаты. Если бы Лахлан не разозлился на своих родственников за то, что они не разделяют его точку зрения, он, возможно, и уступил бы требованиям девушки. С другой стороны, она начала с оскорблений, со взгляда, который должен был испепелить его на месте. Ее воинственный тон любого мужчину заставил бы закусить удила, так что он скорее всего все равно разозлился бы.

Он по-прежнему был страшно зол и набросился на Ранальда:

– Если бы ты с каждой пинтой эля не орал все громче, к нам по ночам не являлись бы разгневанные гости.

– Ах так... теперь я... во всем виноват? – промямлил Ранальд. – Ты в ответ... на меня... не орал?

– Только чтобы перекричать тебя.

– Может, вы и не замечаете, – хладнокровно прервал их Джиллеонан, – но вы оба опять кричите.

Они возмущенно посмотрели на Джиллеонана, но потом Лахлан досадливо взлохматил волосы и проворчал:

- Право, теперь мне придется утром извиняться перед этой девицей – скорее всего она снова устроит мне выволочку.

- Можно подумать, иначе ты бы этого не сделал, – укоризненно проговорил Джиллеонан. – Когда ты даешь волю злости, потом всегда жалеешь и стараешься поправить дело.

Тут Джиллеонана и Ранальда одарили гневным взглядом, сказавшим, кого Лахлан считает виноватыми.

- Ну почему вы не можете порадоваться за меня, ведь я нашел свою любимую?

- Потому что чертовски трудно ее добиться, Лахлан. Вполне вероятно, что у тебя ничего не получится и ты будешь сломлен.

- Так, значит, вы в меня не верите?

Джиллеонан покраснел.

- Вопрос не в том, верим ли мы в тебя, а в фактах. Разве она вышла бы замуж за человека, которого не любила?

- За герцога-то? – фыркнул Лахлан.

- Да, конечно, у него есть титул и положение в обществе, но не только. Лахлан, мы все его видели – он может кружить девушкам голову не хуже тебя. Судя по всему, она его любит. И ты ожидаешь, что она откажется от любви и высокого положения, чтобы сбежать с обнищавшим лэрдом? Если бы ты думал головой, а не... сердцем, то смекнул бы: такого не случится.

- Я дам ей то, чего никогда не даст ее напыщенный англичанин.

- Например?

- Например, радость и смех.

Джиллеонан возвел глаза к потолку.

– Не всякая оценит такое. А подойдет ли она для той цели, ради которой мы сюда приехали?

– Я найду другой способ получить деньги – но от моей Меган не откажусь.

– Мы никаких других способов придумать не смогли, Лахлан, или об этом ты тоже позабыл?

Саркастическое замечание Джиллеонана вызвало в ответ еще один гневный взгляд.

– Я ее завоюю, Джилл, – решительно заявил Лахлан. – И тогда смогу назвать своей самую прекрасную девушку королевства. Так что не пытайся меня переубедить.

Джиллеонан покачал головой:

– Не могу. Считаю своим долгом сказать тебе, что ты принял глупое решение. И кроме того, красавица не обязательно оказывается хорошей женой, Лахлан. Никто не отрицает, что эта красивее многих. Но я помню, что она трещотка еще похуже Нессы. Ведь можно найти девушку не менее приятную на вид, но не так раздражающую слух. А ты даже не хочешь потрудиться.

– Это значило бы только терять время, раз уж я снова нашел Меган. Ты ее видел, Джилл, при необычных обстоятельствах. В тот момент она была расстроена и недовольна, что я ее увез. Это не значит, что она все время не в духе.

– А может, значит.

Лахлан посмотрел на родственника, сузив глаза.

– Тогда мы прекрасно подойдем друг другу, – угрожающе проговорил он. – А сейчас ты замолчишь, Джилл, пока я не сделал чего-то такого, за что придется утром извиняться и перед тобой.

Джиллеонан невинно улыбнулся.

– Ну, пора спать. Позабочусь о нашем родственничке. – С этими словами он взвалил на плечо захрапевшего Ранальда и направился к двери. Там он остановился и на прощание бросил: – Очень надеюсь, что к утру ты придешь в себя, Лахлан. У тебя есть прекрасное качество – умение избегать непоправимых ошибок.

Когда за его родичами закрылась дверь, Лахлан хмыкнул. Ошибкой будет, если он не станет добиваться любви Меган, ошибкой, о которой он будет жалеть всю оставшуюся жизнь.

Глава 9

Утром Лахлан с уверенностью желанного гостя вошел в комнату для завтрака, которая была больше обычных столовых во многих домах, но намного меньше парадной столовой Шерринг-Кросса. Девлин, сидевший во главе стола, пробормотал что-то себе под нос, глядя на шотландца с раздражением, к которому примешивалась беспомощность. Лахлан действительно был теперь желанным гостем, по крайней мере так считала женская часть семейства.

Меган, разумеется, убедила Девлина принять ее точку зрения. Он сам не понимал, как ей это удалось. Она явно не теряла времени и сообщила утром шотландцу об этой перемене. Девлин, однако, не собирался делать вид, что доволен таким поворотом событий, и холодный взгляд, которым он встретил Макгрегора, красноречиво говорил об этом.

Лахлан заметил этот взгляд и правильно его истолковал. Он считал, что Сент-Джеймса переубедила их общая родственница Маргарет. Он никогда бы не догадался, что такой способностью обладает одна только Меган, и ужаснулся, если бы узнал, по какой причине она решила его оставить. Та же самая причина заставила ее приказать слугам убрать от стола половину стульев, так что, когда Лахлан пришел завтракать, единственное свободное место осталось рядом с леди Кимберли.

Кимберли и Лахлан почти одновременно оценили ситуацию. Она густо покраснела, решив, что это – превратности судьбы. Если бы она вошла после него, ничто на свете не заставило бы ее сесть рядом с шотландцем. Она бы нашла предлог уйти, как бы ни была голодна.

Сейчас же невежливо удалиться под каким-то предлогом, было бы очевидно, что ее уход – результат его появления. Она бы ушла, будь их в комнате двое. Но за столом сидели их светлости и остальные члены семейства, и она не станет ставить их в неловкое положение только потому, что находит одного из гостей отвратительным.

Лахлан мог бы избавить их обоих от неловкости, но ему это и в голову не пришло – ведь в комнате находилась Меган! Он одарил хозяйку дома сияющей улыбкой, по дороге поцеловал свою тетку в щеку и плюхнулся на единственный свободный стул. Наступил неловкий момент, когда Маргарет, не зная о том, что между ними произошло, представила их друг другу.

Кимберли еле это вынесла, но как только позволили приличия, отвернулась от своего соседа и начала разговор с сидевшим напротив нее милым лордом Райтом, с которым ее познакомили накануне. Однако разговор получился недолгим – какое-то замечание герцогини заставило лорда Райта повернуться в ее сторону.

Не успела Кимберли разобраться, о чем они говорят, и вступить в их разговор, как почувствовала, что Макгрегор наклоняется к ней. В следующую секунду он прошептал:

– Должен перед вами извиниться за то, что помешал вам спать.

Она с удивлением посмотрела в его сторону. Если вспомнить, как он напугал ее и как угрожал, извинение оказалось полной неожиданностью. А учитывая то, что она отплатила ему той же монетой (по крайней мере она надеялась, что отплатила и что он плохо спал), извинение было ни к чему.

Слова его звучали искренне, однако она не очень-то этому доверяла, если учесть то, как отвратительно он и его друзья себя вели. Было похоже, что и он ожидает от нее извинения. «Ну уж черта с два», – решила она про себя.

Устремив взгляд на тарелку, она только тихо сказала:

- Да, должны.

Не надо было смотреть на него, чтобы знать, что у него вспыхнули щеки. Было это вызвано смущением или гневом – ее это не интересовало. Она не спала всю ночь и надеялась, что утром он чувствовал себя настолько же невыспавшимся, как и она, хотя по его виду понять это было невозможно.

- На меня насели родственники, – сказал он в качестве объяснения. – Потому что я принял решение, которое им не понравилось. А у вас какое извинение?

Теперь пришел черед краснеть Кимберли. Конечно, он имел в виду шум, который она подняла, как только в его комнате стало тихо. У нее никакого извинения не было – это была чистой воды месть. Но все равно она не стала просить прощения.

Он и его родичи могли бы продолжить свой спор где-нибудь в другом месте, когда поняли, что мешают ей спать. Но они этого не сделали и по-прежнему не давали ей заснуть... Она вовсе не обязана перед ним оправдываться. Она все еще не оправилась от простуды и еле сидела за столом – так у нее слипались глаза. А он вышел к завтраку явно в прекрасном расположении духа и добром здравии.

- То, что вы пытаетесь оправдать ваше вчерашнее поведение, не делает вам чести, Макгрегор. Я почти не спала последние три ночи – и две из них из-за вашего бесцеремонного пренебрежения окружающими.

- Так вы извиняетесь за ваше поведение?

- Я перед вами не извиняюсь, – прошипела она. – Я просто показываю вам, что ваше поведение было даже хуже, чем вы считаете.

- Если бы вы вежливо попросили нас не шуметь, милочка, мы бы могли вас послушаться, но ведь все было не так, правда? – довольно самоуверенно заметил он.

Она ахнула. У него хватило нахальства винить в своем поведении ее! Но чего же можно ожидать от... Кимберли решительно подавила эту мысль, осознав, что позволила отцовским предубеждениям повлиять на нее. Неправда. Этот шотландец сам внушил ей чувство неприязни.

Его слова ответа не заслуживали. Продолжать разговор в том же духе значило бы опускаться до его грубости. И все же она не удержалась:

– Нужно ли напоминать вам, что, если бы вы не шумели, мне вообще не понадобилось бы к вам обращаться? Называйте меня леди Кимберли. Я вам не «милочка».

– И я этому очень рад! – парировал он.

Ей страшно захотелось встать и отвесить ему хорошую оплеуху. Но она напомнила себе, где и с кем находится, и постаралась сосредоточиться на том, чтобы не покраснеть.

– В этом мы единомышленны, Макгрегор, – огрызнулась она и добавила, подражая его напевному шотландскому говору: – И до чего же я рада, что избавлюсь от вашего общества, когда закончится завтрак!

Эти слова были встречены веселым смехом и нахальной улыбкой.

– Так, значит, вы уезжаете из Шерринг-Кросса?

– Нет, это вы уезжаете.

Он покачал головой:

– Придется разочаровать вас, право, придется. Я не уезжаю.

Она нахмурилась:

– Вы лжете! Я ясно слышала, как его светлость...

– Его светлость передумал, – прервал он ее, тоже хмурясь. – И пока я не обиделся на то, что меня назвали лжецом, вы передо мной извинитесь.

– Нет, не извинюсь. Признаю, что в изменившихся обстоятельствах вы в данном случае и не солгали, но, принимая во внимание вашу профессию, Макгрегор, я не сомневаюсь, что лжете вы с такой же легкостью, как и грабите. И поскольку вы, к несчастью, остаетесь здесь, мне придется запирать свое имущество.

Она не могла бы унижить его сильнее, даже если бы захотела. Но на самом деле она вовсе не хотела его оскорбить, просто была так смущена и раздосадована, что отвечала не подумав.

Но он обиделся – и не на шутку. Одно дело, тебя называют лжецом, когда ты действительно солгал, и совершенно другое – когда ты этого не делал.

– Единственное, что я мог бы украсть у вас, это ваш злой язычок. Вам надо бы запереть и его тоже.

Она ахнула во второй раз, а потом чопорно произнесла:

– Ваша привычка угрожать женщинам говорит сама за себя. Может, вчера вам и удалось меня запугать, но будьте уверены, во второй раз у вас это не получится. Так что позвольте вам посоветовать вообще со мной не разговаривать – и таким образом вы будете избавлены от моего «злого язычка».

– Так мне и надо за то, что пытался извиняться перед мегерой, – пробормотал он себе под нос.

Конечно, Кимберли услышала. Он и хотел, чтобы она его услышала. Но молчание – наконец-то! – которое стало ответом на эти слова, заставило его немного устыдиться. Он не привык обмениваться оскорблениями с дамой. Не то чтобы ему это не понравилось – по крайней мере в отношении этой дамы. Но... он привык очаровывать и поддразнивать, а не вызывать враждебность. Он даже не мог понять, почему так делает.

Этим утром леди Кимберли в невзрачном коричневом платье, с уложенными в аккуратный узел волосами и покрасневшим носом казалась совсем неинтересной

– и тем не менее Лахлан почему-то не мог ее не замечать. Она все время его раздражала, каждое ее слово будило в нем гнев, заставляя отвечать тем же.

В течение ночи ей удалось несколько раз его разбудить, и утром он проснулся таким же усталым, каким лег в постель. Неожиданная мстительность англичанки его не разозлила, а, наоборот, позабавила. Он решил, что получил по заслугам, и вышел к завтраку, полный самых радужных надежд: ведь слуга принес ему известие, что он может оставаться в Шерринг-Кроссе столько, сколько пожелает! Тем не менее он чувствовал усталость, и даже красавица Меган не взбодрила его. Но черт возьми, этот обмен колкостями с недотрогой-соседкой оживил его!

Воздерживаться от дальнейших разговоров с нею? Нет уж! Макгрегоры обычно принимают вызов. Этот поединок он выиграл, так что пока можно помолчать.

Смелости у нее хватает, хотя, несомненно, помогает присутствие других. Скорее всего, если бы они были вдвоем, она запела бы по-другому, помелодичнее. А может быть, и нет. Но он выяснит. Он не уезжает, у него сколько угодно времени на то, чтобы осуществить свое самое заветное желание. А с леди Кимберли они еще встретятся в словесных поединках.

Глава 10

Большую часть дня Кимберли проспала. Это было не слишком вежливо – ведь она гостила в Шерринг-Кроссе всего второй день. Но даже герцогиня согласилась с тем, что ей надо уйти к себе, когда Кимберли задремала под рассуждения Меган о том, какой «план» они применят, чтобы найти ей супруга.

Меган увела Лусинду, бабушку Девлина, и Кимберли в свою гостиную сразу же по окончании того – как бы его назвать? – мучительного завтрака. «План» Меган предусматривал поскорее устроить Кимберли встречу как можно с большим количеством холостяков, чтобы она могла увидеть, на что рассчитывать, и не спеша сделать выбор.

На ближайшие недели в Шерринг-Кроссе намечено несколько увеселений; необходимо было просмотреть целую гору приглашений и выбрать самые многообещающие.

Кимберли заснула как раз в тот момент, когда Лусинда (Бабуля, как ласково называли ее родные) упомянула о том, что один бал будет в Лондоне всего через четыре дня. Кимберли собиралась возразить, что за такой короткий срок она никак не приготовится к важному событию, поскольку у нее нет ни одного бального платья, но тут глаза у нее закрылись, в который раз за утро.

А в следующую секунду, как ей показалось, Меган с тихим смехом разбудила ее и посоветовала лечь в постель.

Конечно, было верхом невежливости заснуть, когда с тобой говорит хозяйка дома, и Кимберли чуть не сгорела со стыда. Она стала просить прощения, виня во всем простуду и трудное путешествие. Одного она не могла понять: почему она не возложит вину на того, кто этого действительно заслуживал, – на гостя из соседней комнаты.

А вечером, переодеваясь к ужину, она пыталась вспомнить, почему сегодня не попросила, чтобы ей поменяли комнату. Она была уверена, что соседство с шотландцем будет обременительным. Ведь она может столкнуться с ним в коридоре, направляясь к себе или выходя из комнаты; будет слышать его, независимо от того, станет он снова шуметь или нет. Ей предстоит принять решение, от которого будет зависеть вся ее дальнейшая жизнь. Помехи ей ни к чему.

Тем не менее она ничего не сказала герцогине, да и скорее всего уже не попросит, чтобы ее перевели в другую комнату. Дело в том, что, несмотря на страшную усталость и противную простуду, она никогда не чувствовала в себе столько жизненных сил. Возбуждение, страх, волнение, ярость – Макгрегор ей внушал все эти чувства. Она не знала, что с этим делать, – прежде надо было определить, хорошо это или плохо.

Вдовствующая герцогиня прислала ей с Мэри отвратительный на вкус отвар против простуды, и к тому моменту, как она оделась и приготовилась идти вниз, она действительно почувствовала себя немного лучше. По крайней мере можно было уже не бояться, что у нее потечет из носа. Она перестала чихать, так что

можно было припудрить нос. Кости больше не ломило, и в движениях появилась легкость.

По правде говоря, сейчас она была довольна своим внешним видом. Сиреневое платье, которое Мэри приготовила для нее, перетянуто красивым поясом. Но впредь ей придется всерьез заняться своим гардеробом. Кимберли решила спросить у герцогини, нет ли у нее в Шерринг-Кроссе личной портнихи или, может быть, есть хотя бы какая-нибудь поблизости, чтобы пойти к ней завтра же.

Приемы и балы в Лондоне! Надо же как следует одеться! Весь день она не слышала из соседней комнаты ни звука, хотя вряд ли что-то могло пробудить ее от глубокого сна. Но и в течение вечера она тоже ничего не слышала. Может быть, теперь, когда ему позволено было остаться, он попросил для себя комнату в другой части дома, чтобы они больше не мешали друг другу? Она все же не понимала, почему герцог передумал и разрешил шотландцу остаться: накануне он был решительно против.

Вечером за столом в гостиной появилось несколько новых гостей, с которыми Кимберли познакомили. Леди Эстер Каулс и ее дочь Синтия приехали навестить вдовствующую герцогиню и согласились погостить неделю. Синтия оказалась милой юной болтушкой лет шестнадцати – в этом возрасте девушкам иногда уже позволяется общаться со взрослыми, хоть это еще для них и непривычно.

Присутствовала и Тиффани Уэйтли, которую Меган представила как свою лучшую подругу. Она приехала на уик-энд вместе с мужем, достопочтенным Тайлером Уэйтли, и почти целиком поглотила внимание герцогини: подругам надо было переговорить о многом. Кимберли хотелось бы вернуться к обсуждению «плана», который она, заснув, так и не дослушала, но, похоже, придется подождать.

Однако ей удалось выяснить, что в доме работала некая миссис Кэнтерби (по отзывам Маргарет Макгрегор – превосходная портниха), которая обшивала всех дам семейства. Они давали ей столько работы, что ей было не только удобно, но и необходимо жить в Шерринг-Кроссе. Меган договорилась, что эта достойная дама утром встретится с Кимберли.

Кимберли успокоилась относительно нового гардероба, к тому же она надеялась, что пока не поедет на упомянутый утром ближайший бал. Ей хотелось бы включиться в водоворот развлечений постепенно, чтобы привыкнуть встречаться со множеством незнакомых людей, а не сразу же начинать с бала. Однако, судя по тому, что она слышала о «плане», у герцогини были другие соображения.

Приближался час ужина, а Лахлана Макгрегора все еще не было. Кимберли начала надеяться, что ей не придется снова выносить его общество, однако ей не повезло.

Она сидела рядом с Синтией, выслушивая ее жалобы на отсутствие разнообразия в расцветках ее платьев (девушек все еще было принято вывозить в свет только в платьях пастельных тонов, модных еще в прошлом веке). Глубокий зеленый тон платья Меган заставлял юную девушку завистливо вздыхать.

И тут в комнату вошел шотландец, выглядевший необычайно импозантно в темно-вишневом сюртуке, цвет которого гармонировал с цветом его волос, когда на них падали блики света. Густые, не стянутые лентой пряди падали ему на плечи совершенно вопреки моде. Но шотландцы вообще никогда не обращали внимания на требования моды, и ему, по правде говоря, эта прическа была очень к лицу. Кружева у ворота и манжет рубашки усиливали яркое впечатление, которое он производил.

Синтия изумленно раскрыла рот. Кимберли отреагировала на его появление почти так же, но рот ей все-таки удалось оставить закрытым. Сомневаться не приходилось – он привлекал ее: все чувства проснулись и затрепетали.

Но Лахлан не заметил Кимберли, как, впрочем, и всех остальных. Он вошел с обезоруживающей улыбкой, рассчитанной на то, чтобы очаровывать дам, но очаровать ему хотелось только одну – и именно к ней он сразу же и направился.

Дамой, конечно, была герцогиня, а поскольку Меган находилась в другом конце комнаты, Кимберли не слышала, о чем они говорят. Было ужасно забавно наблюдать за ними: Меган поняла, что он хочет взять ее за руку, и попыталась этому помешать. Она быстро отдернула руку, но Лахлан не пожелал сдаваться и буквально ловил ее, пока наконец не поймал, прижавшись к ней в долгом

поцелуе (по крайней мере он хотел сделать его долгим), но Меган мгновенно выдернула свои пальцы и кинула на него недовольный взгляд.

Конечно, все наблюдали за ними. Лусинда смеялась. Девлин гневно хмурился. Кимберли качала головой.

В наступившей тишине обретшая дар речи Синтия неожиданно громко произнесла:

– Он настоящий великан, правда?

Поначалу Кимберли тоже так показалось, но после их ночной стычки она изменила свое мнение.

– По-моему, нет, – ответила она.

Синтии следовало бы смутиться из-за своего необдуманного замечания, произнесенного к тому же слишком громко. Мать ее определенно смутилась, но юная девушка, похоже, даже не заметила своего промаха.

Что до ответа Кимберли, то Синтия посмотрела на нее, как на дурочку. Поэтому Кимберли встала, чтобы показать, почему не считает его великаном. Взгляд Синтии поднимался следом за ней – все выше и выше, – и на лице появлялось выражение досады, словно она хотела сказать: «Как это я не заметила?»

– Ну неудивительно, что вы так не считаете, – заметила она. – Вы и сама великанша.

Тут бедная леди Каулс побагровела, словно свекла, а Кимберли это замечание почему-то насмешило, и она громко расхохоталась. Она очень давно не смеялась, так что ощущение было непривычным – хоть и приятным. Когда наконец смех затих, сменившись улыбкой, она случайно поймала на себе странный взгляд Лахлана. Она не хотела привлекать к себе его внимание и снова почувствовала непонятное волнение, но, к счастью, в этот момент дворецкий доложил, что ужин подан, и все направились в столовую.

Меган снова уменьшила количество стульев за обеденным столом, но поскольку она не стала официально распределять места, чтобы ее стратегия не оказалась чересчур очевидной, то на этот раз уловка не сработала: Кимберли и Лахлан уселись за длинный стол первыми – на противоположные его концы.

Меган немного расстроилась, но поскольку она видела в гостиной улыбку леди Кимберли, то не сочла свою неудачу серьезной.

Улыбка, необыкновенно искренняя, совершенно преобразила Кимберли, сначала удивив Меган, а потом приведя ее в полный восторг. Удивительно, как меняют внешность женщины ямочки на щеках, не говоря уже о хорошем расположении духа! И хотя Кимберли по-прежнему нельзя было назвать красавицей, когда она улыбалась, в ней появлялась притягательная теплая чувственность, делавшая ее неотразимой. Меган с удовлетворением отметила про себя, что Лахлан Макгрегор тоже обратил на это внимание.

И тогда у Меган появилась новая идея. За ужином она проверила свою теорию, стараясь, чтобы все вокруг если не смеялись, то хотя бы улыбались. Получилось! Кимберли чувствовала себя непринужденно и, казалось, получала искреннее удовольствие от происходящего. Всякий раз, когда она смеялась, Лахлан поворачивался в ее сторону.

К сожалению, он еще и постоянно одаривал Меган чарующими взглядами и улыбками.

Меган вздохнула, понимая, что ей придется еще раз поговорить с ним относительно его неослабевающего интереса к ней – и прежде, чем это заметит Девлин. Ей удалось уговорить мужа отказаться от твердого намерения отправить шотландца восвояси только благодаря тому, что она убедила его в своем намерении свести Лахлана с дочерью графа Эмборо. Если Девлин обратит внимание на то, что интерес Макгрегора, пусть и временно, направлен совершенно на другую персону, второй раз переубедить его не удастся. Шотландца немедленно выставят за дверь, если Девлин не решит снова пустить в ход свои кулаки.

К сожалению, это было вполне вероятным поворотом событий, если учесть антипатию Девлина к шотландцу. Однако сегодня, сидя совсем близко друг от друга (между ними оказалась только Бабуля), они превосходно игнорировали

друг друга. Возможно, даже слишком превосходно.

Окружающие могут заметить, насколько старательно эти двое не замечают друг друга, и пойдут сплетни и домыслы по этому поводу. Впрочем, пока можно не беспокоиться – это станет проблемой, когда они начнут появляться в свете за пределами Шерринг-Кросса. Такие увеселения были запланированы уже на ближайшие дни.

Бабуля убедила Меган не возлагать все надежды только на один вариант. Как ей ни нравилась мысль показать Кимберли и Лахлану путь к настоящей любви и каким бы удобным такой поворот событий ни был, вполне вероятно, что этому не суждено случиться. Справедливость требовала, чтобы оба могли встретиться с другими кандидатами на супружество. И самым подходящим для этого событием должен был стать лондонский бал Уиггинсов, до которого оставалось всего несколько дней.

Глава 11

Испытывая приятную усталость, Кимберли медленно шла по длинным коридорам к себе в комнату. Она еще не совсем выпалась, но надеялась сделать это ночью. А ее простуда чудесно улетучилась благодаря великолепному, хоть и отвратительному на вкус снадобью Лусинды.

В целом она хорошо провела вечер. Прежде она готовилась к выезду в свет скорее с ужасом, чем с удовольствием, однако Меган Сент-Джеймс оказалась такой очаровательной и интересной собеседницей, что Кимберли даже забыла, из-за чего оказалась в Шерринг-Кроссе.

Как ни странно, герцогиня настолько завладела ее вниманием, что она забыла (по крайней мере ненадолго) о присутствии мужчины, который так ее заинтриговал. Правда, он сидел далеко от нее, и она даже не слышала звука его голоса.

Кимберли вспоминала о Макгрегоре только тогда, когда испытывала непонятную уверенность в том, что в этот момент он на нее смотрит. Сама она

ни разу не взглянула в его сторону, чтобы убедиться, действительно ли его взгляд устремлен на нее. Скорее всего причиной такого ощущения были ее собственные фантазии: у него не было оснований обращать на нее внимание, когда рядом сидела прелестная Меган.

Кимберли прекрасно знала, кто вызывает его интерес. В конце концов, она ведь слышала, что он сказал герцогине, когда только приехал. Она ни секунды не сомневалась в том, что их перепалка была не просто невинным флиртом, вполне допустимым между мужчиной и женщиной. Макгрегор говорил серьезно и был намерен добиваться замужней женщины, которая была крайне этим недовольна и ничуть не поощряла его ухаживаний. Это его не остановит; его поведение за ужином служило тому доказательством.

Поворачивая в коридор, где располагалась ее комната, Кимберли услышала за спиной шаги. Сердце ее отчаянно забилось. Это, конечно, мог оказаться и кто-то из прислуги, хотя вряд ли: слишком тяжелые шаги. Скорее всего это шотландец – а ведь она специально ушла из гостиной пораньше, чтобы избежать встречи с ним!

После ужина все перешли из столовой в музыкальный салон, где Синтия развлекала присутствующих игрой на клавикордах. Мужчины захватили рюмки с собой, вместо того чтобы остаться допивать бренди в столовой после ухода дам, как делали обычно, когда у Сент-Джеймсов собиралось большое общество. Те, кто желал курить, отошли в дальнюю часть комнаты.

Когда Кимберли ушла, в рюмке у Макгрегора оставалось еще немало бренди. Кроме того, он был поглощен разговором с леди Эстер, так что никак не должен был сейчас оказаться в коридоре. Она точно знала, что он привык вечерами засиживаться допоздна. Но все ее чувства подсказывали обратное: как всегда в его присутствии, ее переполняла то ли тревога, то ли волнение – очень хотелось разобраться, что же все-таки она испытывает.

Кимберли благоразумно решила избежать очередной стычки – если это действительно окажется он, – пусть даже их встреча будет совсем короткой, пусть они лишь мимоходом кивнут друг другу, иначе она ни за что не заснет. Поэтому она ускорила шаги, почти побежала, но, поворачивая ручку двери, вдруг поняла, что заперла ее.

Зачем? Он явно шутил, когда угрожал что-нибудь у нее украсть. Он не посмел бы пойти на такое. Ради собственного спокойствия ей достаточно запирает дверь тогда, когда она сама находится в комнате, а не когда оттуда уходит. И тем не менее дверь заперта, а шаги звучат все громче... Когда она наконец нашла потайной карман в складках юбки и вытащила оттуда ключ, то так разволновалась, что уронила эту проклятую штуку. Хуже того, поспешно подняв ключ, она никак не могла вставить его в скважину.

Тут огромная рука легла на дверь на уровне ее глаз, и шотландский говор зазвучал у самого уха:

- Так я, по-вашему, не великан?

После спешки и тревоги было странно вдруг ощутить полное спокойствие – но именно это и произошло. Возможно, она выпила слишком много сладкого вина за ужином, а может, просто смирилась с обстоятельствами. Но она успокоилась, и когда повернулась к нему, то даже не слишком смутилась от того, что он стоит так близко, почти нависая над ней.

Вот как! Оказывается, он услышал, что она ответила Синтии. Удивительно, ей ни капельки не стыдно.

Кимберли подняла на него взгляд – не слишком высоко – и суховати ответила:

- Нисколько.

Казалось, ответ его позабавил, хотя он и напомнил:

- А вы на меня глазели, когда в первый раз увидели, если я не ошибаюсь.

- Может быть, потому что вы – исключительно красивый мужчина? – спросила она.

Он покраснел, опустил руку и отступил на шаг, так что поза его стала не такой угрожающей.

– Тогда, возможно, я должен перед вами извиниться за мою вчерашнюю резкость?

Кимберли могла бы любезно принять его извинение и на этом остановиться – несомненно, он сразу же отправился бы в свою комнату, а она – в свою. Но она этого не сделала и неожиданно для себя заметила:

– Вам приходится часто передо мной извиняться, правда?

Вопрос был провокационный, но она не попыталась отступить или сгладить скрытый в ее словах вызов.

Он вдруг рассмеялся:

– Вам так кажется, милочка? А я-то думал, что был на сей раз умником.

Кимберли решила проигнорировать его попытку переложить вину на нее и вместо этого сказала:

– Я просила вас так меня не называть.

Теперь его улыбка стала озорной – или, может, опять у нее разыгралось воображение?

– Просьбами от меня можно чего-то добиться, если я слышу то, что хочу услышать.

Да, с этим человеком нельзя говорить, не выходя из себя.

– И что же вы хотите услышать?

– От вас... Может быть, «пожалуйста»?

Она приподняла бровь:

– Унижаться из-за того, что у вас не хватает ума понять, что я не ваша милочка и никогда ею не буду? Ну нет!

Снова вызов. Он опять уперся в дверь у нее за головой и придвинулся ближе. Она запрокинула голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Может, она и не права насчет того, что он не великан...

– Никогда не говорите о том, что возможно, а что – нет. Не забывайте о превратностях судьбы, причудах природы, о человеческой решимости.

– А возможно ли вам уйти и дать мне спокойно лечь спать?

Он негромко засмеялся:

– Угу, возможно, но вот вам пример того, когда решимость заставляет медлить с уходом.

– Что вы хотите этим сказать?

Он улыбнулся излишне чувственно, и это должно было бы подсказать ей, что он собирается ответить, – но почему-то не подсказало.

– Только то, что я вас еще не поцеловал, милочка, и испытываю сильнейшее желание это сделать.

– Даже и не...

Но больше она не протестовала, потому что он наклонил голову и начал ее целовать. Из всех неожиданных поворотов судьбы этот, несомненно, был самым неожиданным. Кимберли никогда бы не подумала, что подобное возможно, и тем не менее губы Лахлана Макгрегора прикасались к ее губам, легко и нерешительно, а потом вдруг очень решительно.

Кимберли была совершенно заморожена. Она не двигалась. Почти не дышала. Она совсем ни о чем не думала. Она просто стояла, познавала чудо его поцелуя и испытывала целую гамму приятных ощущений. Даже когда его язык вдруг проник ей в рот, изумление не пересилило наслаждения; неведомые раньше

чувства захлестнули ее.

Когда Лахлан наконец отстранился, она была совершенно ошеломлена. Он мог бы в эту секунду просто уйти – и она бы не заметила. Но он не ушел. Он пристально смотрел на нее, и когда к ней вернулась способность думать, она поняла, что ее раздирают противоречивые чувства. Главными были негодование и желание снова ощутить на губах его поцелуй, что совершенно не сочеталось одно с другим.

Кимберли определенно не испытывала раньше ничего подобного. Морис один раз быстро и неловко поцеловал ее, когда ей было шестнадцать, – и это был ее первый поцелуй. Потом он поцеловал ее перед отъездом в свое долгое путешествие. Ни тот ни другой поцелуй на нее не подействовал, чего совсем нельзя было сказать о поцелуе шотландца. Она совершенно не понимала, почему он вдруг вздумал продемонстрировать ей разницу.

Она решила это выяснить и спросила напрямик:

– Почему вы это сделали?

Вопрос, казалось, озадачил его.

– Не знаю, – признался он. – Возможно, слишком много выпил, надо скорее лечь, пока я не сделал еще какой-нибудь серьезной глупости.

Его ответ почему-то разочаровал ее. Что она ожидала услышать: что он поцеловал ее потому, что иначе не мог, что вынужден был уступить непреодолимой страсти? Она презрительно усмехнулась собственным мыслям. А ему сказала:

– Прекрасная идея! И не трудитесь снова извиняться утром, Макгрегор. Такое количество извинений снижает искренность, которая обычно должна сопровождать подобные усилия.

Она отвернулась, пытаясь снова отпереть дверь. Его рука легла ей на плечо – она замерла, по телу пробежал легкий трепет. Его дыхание коснулось ее шеи.

– Я никогда не извиняюсь за то, что поцеловал девушку. Об этом я никогда не жалею, и вы – не исключение. Так что не ждите, что я буду говорить, будто мне жаль, – мне ничуть не жаль.

С этими словами он ушел, оставив ее в еще большем смятении и недоумении.

Глава 12

Три дня спустя Кимберли не верилось, что она едет на бал Уиггинсов. Она очень сомневалась, что успеет подготовиться к этому событию, но все было готово. Сент-Джеймсы собирались отправиться туда небольшой компанией: их светлости, леди Эстер (Синтия все еще дулась из-за того, что слишком юна для балов) и Лахлан Макгрегор. Они приехали в Лондон утром в день бала и собирались прожить в городском доме герцога почти неделю, так как было принято еще несколько приглашений, включая и второй бал. Лусинда и Маргарет должны были приехать на следующий день вместе с Синтией.

Невероятно, но миссис Кэнтерби сшила для Кимберли потрясающее бальное платье всего за полтора дня – еще одно должны были доставить через несколько дней. Вместе с двумя помощницами она закончила пару дневных туалетов еще до их отъезда в Лондон и обещала ежедневные доставки новых нарядов.

Поскольку с ними ехали слуги и герцогиня имела привычку брать с собой массу вещей, им понадобились еще две кареты вдобавок к великолепному герцогскому экипажу. Сам герцог предпочел ехать верхом, меняя великолепных чистокровных лошадей, – возможно, потому, что не хотел сидеть в одной карете с шотландцем всю долгую дорогу до Лондона. Кимберли тоже хотела бы избежать его общества, но, увы, ей это было недоступно.

Последние два дня она встречала Лахлана только за столом, вместе с остальными обитателями дома Сент-Джеймсов, что было к лучшему. На следующее утро после того поцелуя он явился к завтраку и несколько раз чихнул – она расхохоталась. По ее мнению, полученная вместе с поцелуем простуда была заслуженным наказанием. Он же смотрел на нее ужасно хмуро, видимо, придерживаясь другого мнения. В общем, неизвестно почему, но она

развеселилась. Надо полагать, Лусинда прислала ему свое отвратительное снадобье, потому что потом он уже почти не чихал.

Этим утром, сидя на одном с ним сиденье, но совсем не рядом, поскольку карета была очень большая, Кимберли довольно успешно продолжала его игнорировать. Меган и леди Эстер сидели напротив, и Кимберли представляла, какими взглядами Лахлан одаривал герцогиню, когда леди Эстер на них не смотрела. По правде говоря, Кимберли не сомневалась, что, если бы в карете не было леди Эстер, на нее снова перестали бы обращать внимание и начался бы откровенный разговор о чувствах шотландца к герцогине – уж он-то не преминул бы поразглагольствовать об этом.

На лице Меган застыло упрямое выражение, говорившее о ее недовольстве шотландцем. Оно исчезало, только когда она поворачивалась к Эстер, чтобы ответить на нескончаемый поток ее болтовни. Сама Кимберли избегала разговоров, любуясь пейзажами за окном или притворяясь, что любит.

На дневное время ничего назначено не было. По приезде в Лондон Меган предложила всем прилечь отдохнуть, поскольку бал наверняка должен был продлиться до поздней ночи или даже до раннего утра. Кимберли была рада: она измучилась – попытки не обращать внимания на столь близкое соседство Лахлана дорого ей стоили.

Прошло, казалось, совсем мало времени – и они уже должны были ехать на бал. Кимберли была очень взволнована – возможно потому, что никогда не выглядела так хорошо. И дело было не только в великолепном наряде из серебристо-серого атласа, отделанного несколькими рядами нежно-голубого кружева, который прекрасно на ней сидел. Кружево украшало длинный шлейф, плечи и грудь, открытые по последней моде. На бархатную ленточку Кимберли прикрепила доставшуюся ей от матери камею.

Она ощущала себя хорошенькой благодаря прическе, которую сделала ей камеристка Меган. А ведь она еще была недовольна, когда та явилась с ножницами и щипцами для завивки и начала подстригать пряди волос! Видимо, девушка прекрасно знала все модные прически, поэтому Меган и прислала ее помочь Кимберли уложить волосы.

Когда камеристка закончила прическу, на полу лежало немало длинных золотых локонов, но короткие пряди волос, пышно обрамлявшие лицо Кимберли, заметно смягчили черты ее лица, как и завитки на висках. Немного пудры и румян изменили ее почти до неузнаваемости.

Лаклан тоже не узнал ее – по крайней мере с первого взгляда. Когда он вышел из своей комнаты, она как раз проходила мимо, и он вежливо и неопределенно поздоровался, решив, что у Сент-Джеймсов еще одна гостья. Она не остановилась, даже не показала виду, что заметила его, а продолжала плыть по коридору. Тут до него дошло, кто эта незнакомка, и он изумленно открыл рот.

Он редко чему-то удивлялся, но леди Кимберли все время удавалось его удивить. Ему хотелось схватить ее за руку и спросить, какого дьявола она добивается, так изменив свою внешность. Конечно, он этого не сделал. И поскорее закрыл рот, чтобы не сказать какую-нибудь нелепицу.

Она удивила его и тогда, когда он впервые увидел ее улыбку. С ямочками на щеках она оказалась по-настоящему хорошенькой. А что же будет теперь? Надо полагать, он увидит это сегодня вечером, но – увы – не знал, как на него подействует такое зрелище.

Больше всего его поражало, какое странное воздействие оказывает на него эта женщина.

С той ночи, когда она колотила в его дверь и ужасно его разозлила, он изо всех сил старался не обращать на нее внимания и сосредоточиться на своей Меган, но почему-то не мог. Мысли помимо воли все время возвращались к ней. Да еще этот поцелуй...

Он до сих пор не мог понять, почему так безумно захотел поцеловать ее, и от души жалел, что это сделал, потому что никак не мог забыть их поцелуй.

Его необыкновенно тронуло, как она приникла к нему, открыла навстречу губы, каким податливым стало ее нежное, стройное тело... Впервые у него не заболела шея от того, что пришлось нагибаться, – оказывается, целоваться с высокой женщиной очень удобно.

Сегодня Лахлан был намерен продолжить осаду Меган. Он будет танцевать с нею – она не откажет ему в танце на балу. Он сожмет ее в своих объятиях – и все станет возможным. Ему наверняка удастся убедить ее в том, что она несчастлива с этим скучным англичанином, за которого вышла замуж, и просто не хочет признаться, что совершила страшную ошибку. Но он укажет ей на это.

Да, надежды были большие, и они никак не были связаны с ехидным, хоть и хорошеньким мотыльком, только что вылетевшим из своего кокона.

Глава 13

– Какого черта? Ведь она только что танцевала с другим!

– Кто?

– Леди Кимберли.

Меган рассеянно кивнула, не показывая виду, что заинтересовалась этими словами. Она согласилась танцевать с Лахланом только потому, что он надоел ей приглашениями. И так, он обращал внимание на Кимберли, когда шептал Меган на ушко льстивые речи и пышные комплименты... Ничто не могло бы доставить ей большего удовольствия.

Не то чтобы она не была уверена в его искренности – вернее, в том, что он сам считает, будто говорит искренне. За свою жизнь она выслушала столько всевозможных комплиментов, что они на нее особого впечатления не производили.

Что действительно поразило ее, так это удивительная перемена в Кимберли. Похоже, Лахлан тоже был под впечатлением. На всякий случай (вдруг он этого не заметил) Меган решила пояснить ему:

– Она действительно танцевала с кем-то другим, вы правы, но кавалеры начали разбивать их пару. Не очень благородно с их стороны, но молодые люди бывают так нетерпеливы, знаете ли.

– Ничего я не знаю, – проворчал Лахлан.

Меган про себя улыбнулась. Он говорит так, словно ревнует! Она не рассчитывала, что это произойдет так быстро.

– Кажется, Кимберли всем очень понравилась, – добавила она, внимательно наблюдая за выражением его лица. – Она не кокетничает, не хихикает, как многие молодые девушки, и умеет слушать. О, и она очень хороша собой – если вы этого не заметили.

Он хмыкнул:

– Ты просто прекрасна, Меган, но я что-то не заметил, чтобы они стояли в очереди, чтобы потанцевать с тобой, как сегодня с нею.

Она рассмеялась:

– Еще не хватало! Девлин давным-давно отучил этих молодых франтов от подобного поведения. Но что до нашей Кимберли, я полагаю, она еще до возвращения в Шерринг-Кросс получит несколько предложений. Надо будет спросить у нее, понравился ли ей кто-нибудь. Может быть, вы окажете любезность и согласитесь проводить меня к ней, как только танец закончится?

Он кивнул; комплименты прекратились. По правде говоря, он теперь на нее даже и не смотрел. Меган с трудом удержалась, чтобы не рассмеяться и не погладить себя по головке.

Значит, сватовство оказалось не таким уж трудным делом? Либо так – либо Лахлан и Кимберли созданы друг для друга.

Как только смолкла музыка, Лахлан повел ее к Кимберли. Скорее даже потащил. И как раз вовремя: молодой джентльмен собирался увести Кимберли на следующий танец, но Меган помешала ему это сделать – отправила принести чего-нибудь прохладительного. Что до Лахлана...

– Извините, – заявила ему Меган, – но я собираюсь ненадолго выйти с Кимберли на балкон...

– Но что бы сказал твой муж, дорогая, – перебил он, – если бы я не предоставил тебе моей защиты в таком опасном предприятии?

Меган чуть не фыркнула, услышав такую чушь, но была довольна, что ему хотелось остаться поблизости. Она пожала плечами и сказала:

– Как хотите, только держитесь в отдалении.

Не дожидаясь его согласия, она взяла Кимберли за руку и вывела на балкон. По его краям стояли защитные панели, которые задерживали зимний холод. Так что гости, выходявшие на балкон, могли немного подышать свежим воздухом и при этом не очень замерзнуть.

Меган не собиралась расспрашивать Кимберли относительно мужчин, с которыми та познакомилась, но раз уж Лахлан решил подслушивать их разговор (а он именно это и делал), она решила не упустить представившейся возможности.

– Хорошо проводите время, Кимберли? – начала она, стараясь говорить небрежно.

– Да, ваша светлость.

– Ну-ну, полноте, – мягко упрекнула Меган. – Мне бы хотелось думать, что мы станем подругами. А друзья называют меня Меган или как-нибудь еще.

Кимберли смущенно улынулась – ее взгляд время от времени невольно обращался в сторону Лахлана, который старался сделать вид, будто не обращает на них никакого внимания.

– Скажите мне, – продолжала Меган. – Вы уже познакомились с кем-нибудь, кто вас заинтересовал?

– С Джоном Кентом.

Ответ был дан слишком быстро, и Меган удивилась.

– Ну да... Он приятный молодой человек. Консервативный. Из прекрасного... Вы уверены? Не обижайтесь, но мне он кажется немного скучным.

Кимберли не сдержалась и рассмеялась над словами герцогини. Она тоже заметила в нем это качество.

– Видите ли, я всю жизнь прожила с... как бы это поточнее сказать... весьма эмоциональным родителем.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Два метра.

2

Хайлендс (англ. Highlands) – север и северо-запад Шотландии.

3

172 сантиметра.

Купить: <https://telnovel.com/ru/dzhoanna-lindsey/lyubi-menya-vechno>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)